

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава VI. Кружок ревнителей благочестия, образовавшийся в Москве во вторую половину патриаршества Иосифа

Наряду с прогрессивными просветительными стремлениями, так заметно проявившими себя во время патриаршества Иосифа, сказалось у нас в это же самое время и другое направление, противоположное первому, которое, особенно усилившись к самому концу патриаршества Иосифа, враждебно столкнулось с новыми московскими веяниями, вступило в борьбу с самим патриархом Иосифом, потом упорно продолжало бороться с преемником Иосифа - Никоном и в конце концов породило в русской церкви раскол. Откуда и как появилось это направление при Иосифе, кто были его представители, во имя чего и за что оно собственно ратовало - все это такие вопросы, на которые нет удовлетворительных ответов у наших церковных историков и полемистов с расколом, а между тем без их решения невозможен правильный взгляд на борьбу между патриархом Никоном и противниками его исправлений, невозможно и правильное понимание происхождения у нас раскола. Сколько позволят наши средства, мы попытаемся изложить это дело, как мы его понимаем, чтобы хотя что-нибудь осветить будущему исследователю на этом темном еще пути.

Со вступлением на царский престол Алексея Михайловича особенно выдающееся значение в Москве в церковных делах получил духовник царя протопоп московского Благовещенского собора Стефан Вонифатьев. Судя по тому немногому, что мы знаем о Стефане*, нужно признать, что это был человек выдающийся по своему уму, высоким нравственным качествам, по своей ревности к благочестию, по своим стремлениям к общественной деятельности. Это был, по словам биографа Неронова, "муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устех имеяй", человек, умевший внушить к себе любовь и уважение всех окружающих его лиц. Молодой и восприимчивый царь Алексей Михайлович воспитался под заметным влиянием своего ревностного по благочестию духовника, который, "всегда входя в царские палаты, глаголаше от книг словеса полезная, увещевая со слезами юного царя ко всякому доброму делу и врачуя его царскую душу от всяких злых начинаний", так что то глубокое и постоянное благочестие, которое потом всегда проявлял царь Алексей Михайлович, было насаждено в нем и укреплено с юных лет его духовником Стефаном Вонифатьевым**. Как сильно было влияние духовника на молодого царя и в какую сторону оно направлялось, это, между прочим, видно из того, что когда Алексей Михайлович женился на Марии Милославской, "тогда честный оный протопоп Стефан и молением и запрещением устрои не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунам, ни бесовским играниям, ни песнем

студним, ни сопелному, ни трубному козлогласованию". Стефан как истый ревнитель благочестия хотел, чтобы именно царский дом был образцом христианской жизни для подданных, чтобы царь первый отказался от тех свадебных обычаев, забав и игр, в которых более всего сохранилось языческого, несогласного с духом христианского благочестия. Он достиг своей цели. Хотя его требование, чтобы на царской свадьбе не было никаких бесовских играний, студных песен и сопельных и трубных козлогласований, шло в разрез с народными вековыми обычаями, всеми признаваемыми и свято соблюдаемыми, однако свадьба царя действительно свершилась "в тишине и страхе Божии, и в пениях и в песнях духовных"; вместо прежних "песней студных" на ней пели "строчные и демественные большие стихи", также из триодей "драгия вещи"***.

* Наши сведения о Стефане Вонифатьевиче заимствованы почти исключительно из биографии протопопа Иоанна Неронова, составленной современником и напечатанной в первом томе Материалов по истории раскола Н. Субботина.

** Что Стефан Вонифатьев поучал царя благочестию чтением ему назидательных книг, это видно, между прочим, из следующего: в письме Стефану из Вологды от 13 июля 1654 года Неронов пишет: "Преподобного же отца Феодора Исповедника, игумена Студийского, жития к тебе послах, моля, да часто почитавши его пред благочестивым царем, чтоб ему, государю, внятно было. Паче же и великого светильника и вселенной учителя воистину и покаянию проповедника Иоанна Златоустаго житие почитавши молих тя". Вероятно, подобные чтения часто достигали цели: государю становилось "внятно", что хотел ему внушить его уважаемый духовник.

*** И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. с. 442.

Но Стефан Вонифатьев, "зело пекийся о спасении души благочестиваго царя, млада суца, да не совратится ум его в некая злая", не ограничивался научением благочестию только одного царя. Он старался действовать своими поучениями и на окружающих царя вельмож, чтобы и в них насадить семена благочестия и гражданской правды. Стефан, говорит про него биограф Неронова, "и боляр увещеваше со слезами непрестанно, да имут суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят, яко да не внийдет от некоторых обиденных и до конца разорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваофа"*. Эти моления и слезные увещания Стефана не только никого не вооружали против него, но царь и бояре "в сладость послушаше его и почиташе его и любяше всею душею, яко истаго си отца". Как высоко стоял Стефан в мнении близко знавших его лиц, это видно, между прочим, и из того, что протопоп Аввакум, не имевший обычая говорить доброе слово о тех, которые не согласны были с ним во взглядах и поступках, и тот, хорошо зная, что Стефан в борьбе с Никоном "всяко ослабел", отзывается, однако, о нем с любовью и глубоким уважением. В челобитной к царю из Дауры Аввакум пишет: "добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял кого на

убиение". Рассказывая далее о своем заключении в Андроньеве монастыре, где он три дня сидел без пищи и без питья, Аввакум замечает: "тут мне пищу принесет ангел за молитв святого отца протопопы Стефана". Неронов в одном из своих писем называет Стефана "подобным Давидови незлобием и кротостию"**.

* До нас дошел сборник под заглавием "Книга, глаголемая Златоуст", принадлежащая, как видно из находящейся на ней пометы. Стефану Вонифатьеву. В этом сборнике, наряду с отеческими поучениями, находится и несколько русских произведений, из которых особенно заслуживает внимания *Слово о правде*. В нем, между прочим, говорится: "Аще убо верный царь, в нынешнее время испытываем, то во всех языцех, кроме российского языка, не ведем правоверуща царя. И аще верую прав есть, достоин ему неленостно снискати, рассмотря яже ко благополучию всем сущим под ним. Ни единими вельможами, еже о исправлении пещися, но и до последних. Вельможи бо суть потребим, но ни от коих своих трудов не издоятся. Вначале же всего потребни суть ратаеве (земледельцы), от их трудов есть хлеб, от хлеба же всех благих главизна... Ратаеве безпрестани различна работная ига подъяют, овогда бо дают серебряная оброки, а иногда ямская собрания, овогда же ина. Елицы же от даропитательных человек сих (т.е. от непроизводящих непосредственно своим трудом) послани бывають царских ради собратий (податей), сии же подля царского указа и себе много от них же собирають. Еще же сих ради послани - яждения ради коней. В ямская расточения много сребра расходится. Многа же и ина ратаеве обида от сего, еже царские землемерительнии писарие ездят с южем делом мерным, отделяющие царевым воином землю в меру и всякому землю в разнь полагають, и сами много медлят и многа брашна у ратаев изъядают. И многа царства прочтохом, а сего обычая неведехом!" Слово рекомендуется затем, как следует правильно устроить обременительную и разорительную для крестьян ямскую гоньбу, именно оно говорит, что ее нужно устроить по подробному и точному расписанию от одного города до другого, причем отбывание этой тяжелой повинности следует вовсе снять с крестьян и возложить ее на горожан купцов, "елицы во градех продающе и скупающе и прикупы богатеюще... понеже многа прибытка стяжатели суть". Взамен этого на купцов не следует полагать никаких других повинностей и даровать им право "во вся грады безо всяких возданий купующе и продающе...". "Сим же, - говорит Слово, - всяк мятеж в земных умалится, и писарем умаление, сборы перестанут и мзды неправедная отлучатся". Присутствие подобного слова в сборнике, принадлежащем Стефану, может говорить за то, что поучения Стефана царю не ограничивались одними только религиозно-нравственными назиданиями, но касались и других предметов.

** Материалы по истории раскола за первое время его существования. М., 1879, т. 5. с. 122, 125; Там же. М.. 1875. т. 1, с. 104.

Сделавшись человеком сильным и влиятельным у царя и в среде окружающих его лиц, Стефан Вонифатьев тесно сблизился с известным ревнителем благочестия и просвещения

постельничим Федором Ртищевым, который, "во многия нощи в доме его (Стефана) приходя, беседоваше" с ним. Во время этих бесед оба ревнителя благочестия обратили свое особенное внимание на различные пороки и недостатки, господствовавшие тогда в народе и в самом духовенстве, на различные беспорядки в церковной жизни, на отсутствие у нас церковной проповеди и под. и решились изыскать средства возвысить религиозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные беспорядки. К Стефану и Ртищеву скоро пристал и еще очень видный и влиятельный человек - Новоспасский архимандрит Никон. Нашлось, конечно, немало и других лиц, как духовных, так и светских, у которых благие начинания Стефана находили себе полное сочувствие и поддержку. Очень возможно, что и патриарх Иосиф вначале оказывал поддержку Стефану, хотя потом он окончательно разошелся с ним, как это увидим ниже. Но главная сила ревнителей заключалась в молодом благочестивом царе, который был очень расположен к своему духовнику, к Ртищеву и к Никону, вполне сочувствовал благим начинаниям своих любимцев и готов был всячески поддержать все те меры, которые они находили необходимыми для насаждения на Руси истинного благочестия. Конечно, по инициативе ревнителей Алексей Михайлович издает в самом начале своего царствования ряд указов о соблюдении постов, о правильном посещении всеми храмов Божиих, об уничтожении в народе непристойных игрищ, суеверий и др. Но одними указами, как верно понимали ревнители благочестия, перевоспитать грубое, порочное и невежественное общество было невозможно, необходимы были энергичные, учительные и ревностные к своему высокому служению пастыри, которые бы и словом и собственным живым примером действовали на массу, воспитывая в ней дух истинного христианского благочестия, тем более, что сфера личной непосредственной деятельности Стефана и Никона почти совсем не выходила за пределы царского двора и круга придворных лиц, к народу же и его жизни она не имела непосредственного отношения. Ввиду этого Стефан Вонифатьев при деятельном содействии Ртищева и, вероятно, Никона, изыскивает между тогдашним белым духовенством таких лиц, которые бы заявили себя строгой жизнью, горячей ревностью в делах благочестия, неуклонным исполнением церковных правил и постановлений, своей книжностью и учительностью, готовностью на энергическую борьбу с различными общественными пороками и недостатками. Таких лиц Стефан приближает к себе и более выдающихся из них, с одобрения Ртищева и при содействии государя, ставит на видные протопопские места в различных городах с тем, чтобы они своими поучениями и обличениями воспитывали народ в духе благочестия, уничтожая господствующие в нем пороки и недостатки, чтобы для всего местного духовенства они служили образцом надлежащего исполнения ими своих пастырских обязанностей.

Своим ближайшим помощником и сотрудником в деле публичной церковной проповеди и водворения церковных порядков в самой Москве Стефан Вонифатьев с одобрения Ртищева избирает нижегородского священника Иоанна Неронова, ибо хорошо знал "прежде бывшее его (Иоанна) многое страдание, и свидетельствованное Богом житие святое, и искусство божественнаго писания, и речиста, и ревность велию имуща по Бозе, и не обинующаяся лиц сильных, по пророку Давиду, пред цари глаголюща и не стыдящаяся".

Неронов всей своей предшествовавшей жизнью и деятельностью как нельзя более был подготовлен к той роли, какую назначал ему в Москве Стефан*. Как только Неронов, еще будучи юношей, оставив свое родное село, пришел в Вологду (недалеко от которой находилась его родина), так уже сразу заявил себя горячим и смелым ревнителем благочестия. Он пришел в город на святках, "когда неразумнии люди обыкоша собиратися на бесовския игралища паче прочих дней, налагающе на лица свои личины различныя страшныя по подобию демонских зраков". Увидев ряженных, выходящих притом из архиерейского дома, молодой Иоанн "разжегся духом нача обличати их с дрезновением", за что и был очень жестоко избит ряженными. Этот первый, не особенно удачный опыт публичной обличительной деятельности не охладил, однако, ревности Иоанна. Оставив негостеприимную Вологду, Иоанн удалился в пределы града Устюга, где "в некоей веси" решился обучиться у одного благочестивого мастера грамоте, без которой для него невозможно было проходить с успехом служение общественного обличителя и наставника благочестию. Медленно давалась Иоанну грамота, "един букварь учаше лето и месяцев шесть", учитель даже опасался за целостность его зрения, так как Иоанн "прилежно очима зря в букварь, непрестанно слезы испущаше". Но энергия и усидчивость преодолели все, разум Иоанна, наконец, отверзся и он стал разуметь (читать) писания лучше всех своих сверстников. Оставив пределы Устюга, Иоанн перешел в пределы града Юрьевца Повольского в село Никольское, где и женился на дочери тамошнего священника. Живя у тестя-священника, Неронов ревностно занимался чтением и пением в церкви и в то же время, "видев иереев веси тоя, развращенное житие имущия, непрестанно обличаше их пьянства ради и многого безчинства". И на этот раз обличения не прошли для него даром. Священники написали на него донос патриарху Филарету Никитичу, причем на доносе подписались не только некоторые мирские люди, но и сам тесть Иоанна. Тогда Неронов отправился в Троицкую лавру, которой принадлежало село Никольское, и здесь явился к известному исправителю книг архимандриту Дионисию, которому все и рассказал о себе. Дионисий принял в нем живое участие и даже поместил его в своей келий. Живя с Дионисием "не малое время", Иоанн непрестанно читал книги божественного писания и в то же время с архимандритом "и в правиле келейном и во всеобщных бдениях трудяся". Это общение с архимандритом Дионисием, человеком по тогдашнему времени просвещенным, учительным, строгим ревнителем благочестия, требовавшим, чтобы в лавре при богослужении читали обязательно поучения Златоуста, не могло остаться бесследным на развитие и укрепление взглядов Неронова как ревнителя благочестия. Оно имело для него и практическое значение. Дионисий дал Неронову рекомендательную грамоту к патриарху Филарету Никитичу, в которой, оправдывая его от взведенных на него обвинений, просил патриарха посвятить Неронова во диаконы. Филарет Никитич исполнил просьбу Дионисия, и Неронов возвратился в Никольское диаконом. Здесь он продолжал свое служение ревнителя: "Егда иереи... прихождаху в церковь пиани, тогда Иоанн властью, от архиереа ему повеленною, отторгаше их от святаго олтаря и вон из церкви извождаше бесчинующих пьянственно, и един пояше в церкви и поучаше народ". Чрез год Неронов посвящен был во иереи, но, преследуемый недоброжелательством своих сослуживцев, принужден был оставить село Никольское и поселиться у священника села Лысково (недалеко от Нижнего Новгорода)

Анании, который "зело искусен бе в божественном писании". Неронов прожил у Анании многое время "и извыче от него разумети, яже о Божественном писании суть неведомая". Завершив у Анании свое книжное образование, Неронов выступает затем в качестве самостоятельного настоятеля церкви. Он переходит в Нижний Новгород, где в одной опустевшей церкви и начинает священнодействовать. Теперь Неронов без помехи мог осуществлять на деле свой идеал истинно пастырского служения. Он начал неопустительно и самым истовым образом совершать в заброшенной дотоле церкви все положенные богослужения, которыми и привлек к себе богомольцев. Тогда он стал читать народу поучения "с разсуждением и толковаше всяку речь ясно и зело просто слушателем простым, во еже бы им возможно было внимати и памятовати, и вси ползовахуся поучением его и умиляхуся, зряще толикое его тщание о спасении душ человеческих, купно и велие смирение; ибо, поучая народ, кланяшеся на обе страны до земли, с слезами моля, дабы вси, слышаще, попечение имели всеми образы о спасении душ своих и слышима выну незабвенно в памяти своей дабы обносили, и кийждо в домех своих сущим слышанная поведывали и тако вси купно дабы друг другу убеждали ко спасению". Но проповедью только с церковной кафедры Неронов не довольствовался. Он ходил по городским улицам и площадям, "нося с собою книгу великого светильника Иоанна Златоустаго, именуемую Маргарит, возвещая всем путь спасения. И мнози послушаху божественнаго писания и сладкаго Иоаннова учения".

* Биография Неронова, написанная, вероятно, современником, и из которой мы берем сведения об нем, напечатана в первом томе Матер, для ист. раск. Н. Субботина.

Появление в городе священника проповедника, всюду - в церкви, на улицах и площадях - ревностно поучающего народ и притом в такое время, когда церковной проповеди почти совсем не существовало, необходимо обратило на проповедника всеобщее внимание. Скоро множество народа из города и его окрестностей стало стекаться в храм Иоанна, чтобы послушать его поучений. Явились и тароватые милостивцы, благодаря которым на место прежней ветхой была выстроена новая, сначала деревянная, а потом каменная церковь, благолепно украшенная, построены были келейки, в которых поселились иноки, явилась возможность принимать и кормить странных и нищих, которых садилось в иной день за братский стол до сто и больше человек. Во время трапез один из клириков читал церковную книгу, "а Иоанн читаемая сидящим за трапезою вся словеса разсуждаше с толкованием". Чем далее, тем более росла повсюду популярность Иоанна: многие делались его учениками и подражателями, особенно между духовными, горожане стали отдавать ему детей "в научение книжное", и Иоанн охотно брал детей "без мзды учаше их с прилежанием многим, а старцы, в сладость приемлюще учения его, вскоре книжнаго разумения навываху".

Специальную энергическую борьбу вел Иоанн в Нижнем Новгороде "с скомрахами, иже хождяху по стогнам града с бубны и с домрами и с медведьми", особенно во время так

называемых святок. В эти дни Иоанн в сопровождении своих учеников ходил по вечерам и ночью по городу "и сражахуся с бесовскими слугами и повелеваша учеником своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати". Случалось, что скомрахи, "ярости исполняющесе, бияху Божия иерея", на что он, однако, не обращал внимания, так что благодаря своей настойчивости в конце концов стал достигать того, что "по малу переставаху людие от тех злых обыкновений и прихождаху в чувство".

Ревность Иоанна скоро стала заходить гораздо далее всенародных поучений и борьбы с скомрахами. Теперь он является уж к воеводе Федору Шереметеву, "жестокому и суровому зело, немилостивому ко всем человеком и мздоимателю", и начинает увещевать его "многим молением, да милосерд будет к людем". Отважился Иоанн и на публичные всенародные обличения воеводы: "иногда же обличаше того (воеводу) пред народом о неправдах, от него творимых". За эти обличения воевода велел бить обличителя по пяткам палкою не один час, но Иоанн отнесся к делу стоически: "чтяше в то время (когда его били палками) книгу великого светильника миру Иоанна Златоустаго, глаголемую Маргарит, юже непрестанно ношаше с собою". В заключение Неронов посажен был воеводою в тюрьму, но один из его почитателей донес об этом царю, который велел выпустить ревнителя на свободу.

Живя в Нижнем Новгороде, Иоанн посещал отсюда и Москву, где также заявил себя горячим ревнителем благочестия, и хотя много потерпел за свою ревность, однако приобрел в конце расположение царя, патриарха, многих вельмож и вообще сделался в Москве известным за смелого, энергичного борца со всяким нечестием и неправдою, за человека книжного, учительного и крайне ревностного в делах благочестия. Этого-то уже хорошо известного и популярного ревнителя Стефан Вонифатьев, с согласия и одобрения Федора Ртищева и при содействии царя, делает своим сотрудником в деле общественной проповеди и учительства в самой Москве. Так как сам Стефан вращался почти исключительно только в придворном кругу, то Неронов по его мысли должен был сделаться собственно народным проповедником и учителем. С этой именно целью Неронов был назначен протопопом московского Казанского собора, потому что "та церковь посреди торжища стоит, и мног народ по вся дни непрестанно в ней бывает, да слышаще учение его сладкое народ отвратят сердца своя от злых обычаев и навикнут добрых дел. Ибо в оная времена в царствующем граде Москве и иных российских градех изсякло бе учение и уклонилися бяху людие в небрежение и слабость и во многия игралища".

Поселившись в Москве, Неронов ревностно принялся за любимое и уже привычное ему дело народного учительства; он, как и в Нижнем Новгороде, стал постоянно читать народу отеческие поучения, причем "егда прочитоваше народу святыя книги, тогда бываху от очию его слезы, яко струя, и едва в хлипании своем проглагольваше слово божественнаго писания; сказоваше же всякую речь с толкованием, дабы разумно было всм Христианом". Вместе с церковной проповедью в Казанском соборе установлено было и единогласное пение и чтение: "такожде и пение церковное устави пети и глаголати единогласно и благочинно", так что Казанский собор явился тогда, так сказать, образцом

для всех других московских церквей, которые с него должны были списывать новые улучшенные церковные порядки.

Живая устная проповедь, дотоле было совсем замолкшая в Москве, единогласное чинное пение и чтение, уже давно забытые в московских церквах, строгое, неопустительное исполнение всех положенных церковных служб по чину истово возбуждало всеобщее внимание и привлекало в Казанский собор громадные толпы молящихся. Сам царь со всей своей семьей нередко приходил слушать поучения Неронова, а народу набиралось так много, "яко не вмещатся им и в паперти церковной, но восхождаху и на крыло паперти, и зряще в окна послушаху пения И чтения божественных словес". И этих невмещавшихся в храм Неронов не хотел оставить без научения и назидания: он "написа... окрест стены святых церкви поучительныя словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения, не простирает ума своего на пустотная мира сего, но да прочтует написанная на стенах, и пользу душе приемлет". В Москве Неронов скоро стал рядом с Стефаном, вместе с ним он являлся во дворец и поучал царя и всю царскую семью, члены которой оказали ему особое расположение. Как человек очень энергичный, смелый и деятельный, как человек книжный и учительный, Неронов стал выдвигаться на первое место, заслоня собой Стефана, с которым он вступал уже в препирательства и наконец окончательно разошелся с ним во взгляде на реформу Никона, что, впрочем, никогда не мешало ему сохранять к Стефану личные, всегда близкие, дружеские отношения. Таков был главный сотрудник Стефана Вонифатьева, сделавшийся в Москве самым видным, деятельным и популярным членом кружка ревнителей.

Подобным же характером, т.е. истовостью в исполнении разных церковных служб, энергичной борьбой с различными общественными пороками и недостатками отличались и другие члены кружка ревнителей. Достаточно в этом случае припомнить знаменитого протопопа Аввакума, его подвиги в борьбе с нечестием, его многие злострадания за обличения людской неправды, людских пороков и недостатков, его великую способность переносить все, чтобы "грешницы ни делали на хребте его". Познакомившись с Аввакумом, Стефан Вонифатьев на первый раз "благословил его образом Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди", и потом, убедившись в горячей ревности Аввакума по благочестии, в его готовности энергично бороться с общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефан назначает Аввакума протопопом Юрьевца Повольского. Когда Аввакум за свои резкие обличения был сильно побит в Юрьевце и бежал в Москву, где явился к Стефану, тот, рассказывает Аввакум, "на меня учинился печален: на что-де церковь соборную покинул? Опять мне горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на что-де город покинул?" Понятно недовольство царя и Стефана бегством Аввакума из Юрьевца; Аввакум и поставлен был в юрьевские протопопы именно для борьбы с царившими там среди духовенства и народа пороками, а он при первой неприятности, ничего не сделав, малодушно бросает свой важный, ответственный пост и бежит в Москву.

Книжностью, учительностью, борьбой с общественными пороками и недостатками отличались и другие лица белого духовенства, выдвинутые Стефаном и получившие благодаря ему протопопские места по разным городам. Так, костромской протопоп Даниил за свои ревностные обличения был, подобно Аввакуму, изгнан из Костромы. Об учительстве Логгина сохранилось свидетельство у Олеария, который говорит, что Логгин в 1653 году стал говорить проповеди и хотел ввести этот порядок в подведомственном ему духовенстве, в чем уже и имел большой успех. Но патриарх, узнав об этом, вспылал гневом, отрешил его от места, предал анафеме и сослал в Сибирь. Известна также челобитная жителей Мурома к архиепископу рязанскому и муромскому Мисаилу с похвалами Логгину и с просьбой возвратить его пастве. В челобитной говорилось, что Логгин, муж учительный, "по вся дни, нощи и часы" проповедывал слово Божие, вразумлял невежественных, а "врагов Божиих, церковных мятежников, противящихся преданию св. апостол, обличал и от стада Христова отгонял", и что именно эти враги из боязни его обличений ложно оклеветали его, а между тем с удалением Логгина из Мурома явилось в городе "в православной вере Христианом разделение", мятежники восстали на почитателей благочестия, которым приходится теперь бежать из города, почему челобитчики и просят воротить в Муром Логгина. О книжности и способности к учительству романо-борисоглебского попа Лазаря говорит его обширная челобитная против новоисправленных книг, которая опровергается в книге "Жезл правления".

Таким образом, в начале царствования Алексея Михайловича под главенством и руководством его духовника благовещенского протопопа Стефана Вонифатьева образовался кружок ревнителей благочестия, в который вошли люди книжные, учительные, уже заявившие себя ранее строгой благочестивой жизнью, ревностной борьбой с пороками и недостатками в среде духовенства и народа. Это были, кроме самого Стефана Вонифатьева, известные протопопы Неронов, Аввакум, Логгин, Лазарь, Даниил и, вероятно, другие. Из черного духовенства к кружку ревнителей принадлежал Никон как его видный и деятельный член, вероятно, и епископ Павел коломенский, а из светских лиц кружок пользовался особым сочувствием и поддержкой знаменитого ревнителя просвещения Федора Ртищева*. Благодаря своему патрону Стефану ревнители хорошо были известны царю, царице и членам царской семьи, которые вполне сочувствовали направлению и всей деятельности кружка, оказывали, особенно некоторым его членам, свое полное расположение и благоволение.

* Нельзя в этом случае не обратить внимания на то обстоятельство, что те ревнители, о происхождении которых мы только знаем, были земляки или по происхождению, или по месту своей деятельности, что некоторые из них были, вероятно, лично или по слухам знакомы друг с другом еще до своей встречи в Москве. Неронов, как мы видели, в видах довершения своего образования поселился у священника села Лыскова (недалеко от Нижнего Новгорода) Анании, который "зело искусен бе в Божественном Писании". У Анании он прожил долгое время "и извыче от него разумети, яже о Божественном Писании суть неведомая". В "Повести о блаженной жизни преосвященнейшего

Илариона, митрополита суздальского, бывшего первого строителя Флорищевския обители", рассказывается, что отец Илариона священник, именем Анания, был "зело благочестив, и Божественнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета добре искусен, благ зело и кроток", что он был сначала священником в нижегородском девичьем Зачатьевском монастыре, а потом перешел отсюда в село Кириково, "яже близ веси, именуемой Лысково и близ обители преподобнаго Макария Желтоводскаго чудотворца". Анания принял монашество под именем Антония, и Никон, еще будучи бельцом, не раз бывал у Анании, который и предсказал ему тогда, что он будет патриархом. Не трудно видеть, что священник Анания, у которого Неронов прожил долгое время и у которого он научился разуметь "яже о Божественном Писании суть неведомая", и священник Анания "добре искусный в Божественном Писании Ветхаго и Нового Завета", у которого поучался Никон и который предсказал ему, что он будет патриархом, - был одно и то же лицо. Очень возможно, что Неронов и Никон встречались у Анании или же по слухам еще до встречи в Москве уже знали друг друга. То же сказание об Иларионе рассказывает, что Иларион был женат на дочери соседнего священника, Ксении (которая умерла через полтора года после замужества), и что Ксения была родная сестра Павла, епископа коломенского. Значит, и Павел коломенский был родом из села, соседнего с Лысковым, хорошо знал священника Ананию (с которым породнился через свою сестру) и, вероятно, знал Неронова и Никона или лично, или по рассказам. Родина протопopa Аввакума, по его собственному свидетельству, находилась только в пятнадцати верстах от родины Никона, так что и Аввакум мог лично или по слухам знать Ананию, Павла коломенского, Неронова, Никона. Вероятно, не случайно было, что ревнители или по рождению, или по месту деятельности происходили из нижегородской области и были люди, уже ранее своей встречи в Москве так или иначе знакомые друг с другом. К сожалению, мы решительно не знаем, откуда был родом глава кружка - Стефан Вонифатьев и почему он приблизил к себе ревнителей по преимуществу из нижегородцев. Нелишне указать здесь и на то обстоятельство, что Иларион, архиепископ рязанский, один из главных поборников исправлений Никона, был ранее священником в Москве или в соседнем селе и хорошо был знаком тогда с Аввакумом.

Об общем характере деятельности кружка Неронов в своей челобитной к царю из Спасокаменного монастыря от 6 ноября 1653 года говорит так: "Они (т.е. Аввакум, Даниил, Логгин и Лазарь) в те лета безпрестанно к вам, государем, на всякия безчинныя извещали, и СВЯТЕЙШИМ патриархом блаженныя памяти и прочим властем о утверждении святых церквей, что вам, государем, вестно было. И вы, государи, ко утверждению церкви, вышняго Бога помощию, десницею своею помощь подавали". В частности, про себя лично Неронов пишет царю: "Когда я был при твоей государеве царской светлости, и ты меня, равноапостольный, с безчестием не отсылал, что тебе, благочестивому государю, о многих статьях бил челом и извещал".

В чем же состояли извещения царю и патриархам членов кружка ревнителей "на всякия безчинныя", о каких "статьях", полезных ко утверждению церкви, они били челом

государям (т.е. царю и патриарху) и в чем состояла та помощь ревнителям ко утверждению церкви, которую им оказывал государь десницей своей?

Деятельность кружка ревнителей определялась наличием тех пороков и недостатков, какие в то время существовали в жизни народа, самого духовенства, как белого, так и черного, наличием тогдашних церковных беспорядков, отсутствием живой проповеди и вообще учительности в духовенстве вследствие его крайнего невежества. На борьбу с общественными пороками и недостатками, на борьбу с ленью и распущенностью духовенства и вооружился кружок ревнителей, поставив своей задачей водворить в народе истинное христианское благочестие, уничтожить разные церковные беспорядки, вызвать к жизни церковную проповедь.

Прежде всего деятельность кружка ревнителей была направлена на уничтожение различных народных языческих игрищ и суеверий, которые особенно нетерпимы были в благочестивом христианском обществе. Еще летописец (Нестор) жаловался: "Видим бо игрища утолочена и людей много множество, позоры деюще от беса замышленного дела, а церкви стоят (пусты); егда же бывает год молитвы, мало их обретается в церкви"* . В 1274 году митрополит Кирилл в соборных правилах восставал против народных языческих игрищ: "Паки же уведехом бесовская еще держаще обычая треклятых еллин, в божественныя праздники позоры некакы бесовския творити, с свистанием, и с кличем и с воплем съзывающе неки скаредныя пьяница и бьющися дрекольем до самыя смерти"**. Стоглавый собор с своей стороны заявляет: "Еще же мнози от неразумия простая чадь православных христиан во градех и в селех творят еллинское бесование - различныя игры и плясания; в навечерии праздника Рождества Христова и против праздника Рождества Иоанна Предтечи в нощи и в праздник весь день мужи и жены и дети в домех, по улицам отходя и поводам глумы творят всякими играми и песньми сатанинскими и многими виды скаредными; подобно же сему вторят и во святыя вечера и в навечерии Богоявления Господня, и тем Господа Бога прогневают никим же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказаемы, ни от священников, ни от судей истрашаеми, таковыя творят неподобныя дела, святыми отцы отреченныя"***. Но обличения Стоглавого собора не достигли, как и предшествующие, своей цели, даже в самой Москве бесовские игры продолжались по-прежнему. В 1627 году государь приказал бирючу повсюду кликать в Москве, "чтоб вперед, за Старое Ваганково, никакие люди не сходились на безлепицу николи" и что послушники этого приказа будут биты кнутом. И Филарет Никитич тогда же с своей стороны объявлял в Москве: "Чтоб с кобылками не ходили и на игрища б мирские люди не сходились, тем бы смуты православным крестьяном не было, и коледы бы и овсеня и плуги не кликали"****. В 1636 году патриарх Иоасаф в памяти тиуну Манойлову говорит: праздники проводятся всеми в Москве не по-христиански, так как "и вся противно творим и ругателно праздником Господним, вместо радости духовной возделание творят радости бесовской... ходяще по улицам в народе, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздником святым Божиим, вместо духовнаго торжества и веселия восприимше игры и кощунныя бесовския, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинския игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками

плескати, и плясати, и иная неподобная дети; и о тех праздницах сходящиеся многие люди, не токмо что молодые, но и старые, в толпы ставятся, и бывают бои кулачные великие и до смертного убийства, и в тех играх многие и без покаяния пропадают; и всякаго беззаконнаго дела умножилось, еллинских блядословий и кощун и игор бесовских"*****. Эти грубые языческие игрища и забавы процветали, кроме Москвы, и во всех других городах, причем они в некоторых местах принимали иногда безобразно-кощунственный характер. Некто старец иконописец Григорий из города Вязьмы в челобитной государю 1651 года между прочим заявляет: "И игрища разные богомерзкие бывают (в г. Вязьме), в начале от Рождества и до Богоявления всенощные, *на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимарита, и келаря и старцев нарицают, там же и женок и девок много ходят и тамо девицы девство диаволу отдают.* Другое игрище, - продолжает челобитчик, - о Троичном дни - за город на курганя ходят и неподобная творят. Третье игрище - от Петрова дни до Ильина дни: на релях вешаются и на крутящих крутятся и многих диавол берет, и деньги тых благословляют при церквах погребати. Также о рожестве Иоанна Предтечи всю ночь бесятся, бочки дехтярные зажигают и с гор катают и, веники зажегши, скачут. Також ведунов много и свадьбы без них не могут отправить и один другаго портят, а тое на все начальники, посулы беручи, благословляют, и людем соблазн и пагуба, где бы вместо сего Бога молити, еже бы сохранил и избавил в нынешнее последнее время от еретик и от иного всякаго зла"*****.

* Полное собрание русских летописей. СПб., 1846, т. 1, с. 73.

** Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей российских. М., 1815, ч. I, с. 114.

*** Стоглав. Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 261-267.

**** Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841, т.3, № 92: VIII - X, с. 95-96.

***** Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 3, № 264, с. 402.

***** Эта челобитная старца Григория напечатана в Приложении.

Против всех этих народных языческих игрищ, грубых и иногда кощунственных народных забав и разных суеверий сильно и энергично восстал кружок ревнителей, члены которого, как Неронов и Аввакум, еще ранее боролись с скоморохами и с разными бесовскими игрищами. Недаром, конечно, и Стефан Вонифатьев настоял на том, чтобы на царской свадьбе не было "ни смеху никакого, ни кощун, ни бесовских играний, ни песней студных, ни сопелнаго, ни трубнаго козлогласования", - все это не только во дворце, но и повсюду в народе должно было уничтожиться и замениться другим - строго христианским и благочестивым препровождением праздничного времени. В этих именно видах, конечно под влиянием и по настоянию кружка ревнителей, предпринимается государем ряд

законодательных мер, имеющих в виду насаждение в народе христианского благочестия. Именно в 1646 году патриарх Иосиф по приказанию государя посылает всему духовному чину в Москве наказ, в котором говорит, что царь приказал всем духовным и мирским людям в предстоящий великий пост "поститься и жити в чистоте со всяким воздержанием, и от пьянства, и от неправд, и от всякаго греха удаляться", почему он, патриарх, и приказывает всем московским протопопам и попам учинить в своих церквах крепкий наказ, чтоб все прихожане, церковники, сами попы и дьяконы в течение всего великого поста постились и неопустительно посещали церковь Божию и чтобы в церквах стояли все "со страхом и трепетом и с любовию в молчании, без всяких шептов, и ничтож земнаго не помышляли... молились со слезами и со воздыханием смиренным и сокрушенным сердцем, без злобы и без гнева, о гресех своих". А если дети духовные не будут ходить к покаянию и окажутся непокорны и непослушны своим духовным отцам, то последним про таких ослушников надлежит докладывать патриарху и "в их непослушанстве и в безчинстве государев указ будет"*.

В следующем, 1647, году 17 марта государь и патриарх со всем освященным собором уложили, чтобы никто в воскресные дни отнюдь не работал, но чтобы все обязательно посещали в эти дни храмы для молитвы. Всякие работы приказывалось всем прекращать в субботу, когда в соборе начнут благовестить к вечерне, а также прекращать с этого времени и всякую торговлю, затворять торговые ряды, закрывать торговые бани и так продолжать и в воскресенье до окончания церковных служб. Так же повелевалось проводить и все господские праздники. Этот соборный приговор был разослан по всем епархиям и по всем монастырям для исполнения**.

Наконец, в 1648 году издается специальное распоряжение государя в видах уничтожения народных языческих игрищ и суеверий. Это распоряжение рассылается по городам к воеводам, которым предписывается наблюдать за строгим выполнением повсюду царского указа. В указе говорилось: государю стало ведомо, что мирские люди в господские дни и святых в церкви не ходят, что "умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми", именно: многие увлекаются скоморохами и, сходясь по вечерам на позорища, слушают здесь их богомерзкие скверные песни и игры; иные чародеев и волхвов и богомерзких баб приглашают к малым детям для бесовского волхвования; многие сходятся на бесовское сонмище "и по зарям и в ночи чародействуют"; "медведи водят и с собачками пляшут, и зернью, и карты, и шахматы и лодыгами играют, и чинят безчинное скакание и плясание, и поют бесовские песни, И на Святой недели жонки и девки на досках скачут"; на Рождество Христово до Богоявленьяго дни люди обоих полов сходятся "в бесовское сонмище", "играют во всякия бесовския игры"; указываются многие суеверия, еще сохранившиеся в народе от языческих времен, на разврат, происходящий во время игрищ, на частые случаи внезапной смерти, на свадьбы, во время которых бывают "безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бесовскими играми". Указ предписывает, чтобы православные христиане от таких бесовских действий отстали, чтобы они в воскресные и праздничные дни неуклонно посещали церковь Божию, удалялись от чародейств, пьянства, непристойных игрищ. Местным властям предписывается предпринимать против зла строгие и

решительные меры, а непослушных бить батогами в первый и во второй раз, а в третий и четвертый отсылать для более серьезной расправы с ними к воеводам***.

* Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т 4. №321 с. 481-482.

** Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842, т. 4, № 6: VI. с. 28; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб.. 1836. т 4 № 19, 324. с. 32-33; 484-485.

*** П. И. Иванов. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, с. 296; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842, т. 4, №35, с. 124-126.

Обличая господствующие в народе пороки и недостатки, языческие игрища, грубые забавы и суеверия, кружок ревнителей необходимо должен был обратить свое внимание на жизнь и деятельность тогдашнего духовенства, как белого, так и черного, так как при ленивом, порочном, пренебрегающем своими пастырскими обязанностями духовенстве невозможно было и исправление самого народа и воспитание его в духе благочестия.

Еще Стоглав говорил: "Попы и церковные причетники в церкви всегда пьяны и без страха стоят и бранятся, и всякие речи неподобные всегда исходят из уст их, попы же в церквях бьются и дерутся промеж себя". С своей стороны, и миряне, по заявлению Стоглава, входили и стояли в церквях в шапках, словно "на пиру или в корчемнице, говор, ропот, всякое прекословие, беседы, срамная словеса, песни божественная не слушают в глумлении". Эти безобразия не прекратились, однако, и после Стоглава даже в самой Москве. Патриарх Иоасаф в памяти тиуну Манойлову 1636 года заявлял, что сами священники беседуют в храмах и бесчинствуют "и мирския угодия творяще, и чревоугодию своему последующе, и повинующеся пьянству", не поучают мирских людей благочинию и христианскому благопробыванию. Священники служат обедни без часов, "только отпustom начинают"; в великий пост священники совершают службы "зело поскорю", "леностию и нерадением великим изнуряют время постное"; некоторые священники на пасхе вслед за обедней поют и вечерню "для своих пьянственных нравов и леностию содержащяся"; в воскресные, владычные, богородичные и нарочитых святых праздники священники поют заутрени очень поздно и ради этого слишком спешно, так что положенные для прочтения в назидание верующих поучения святых отцов и жития святых не только не читают, но и возбраняют тем, которые хотят читать, вследствие чего предстоящие уходят из церкви без всякого поучения и сильно соблазняются таким поведением своих пастырей, а в народе оскудевает вера, ибо "вожди ослепша леностию и нерадением исправления церковная погасиша". Относясь небрежно и нерадиво к своим пастырским обязанностям и служению, священники вовсе не думают о прекращении тех возмутительных безчинств, какие происходят в церквях во время богослужения; мирские

люди стоят в церквах "с безстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобныя с смехотворением"; поповы и мирских людей дети во время богослужения "во олтари безчинствуют"; "во время же святого пения ходят по церкви шпыни, с безстрашием, человек по десятку и болши, и от них в церквах великая смута и мятеж, и в церквах овогда бранятся, овогда и дерутся"; некоторые, положивше на блюда пелены и свечи, во время службы ходят по церкви, говоря, что собирают на созидание церквей, а некоторые притворяются малоумными, будучи в действительности целоумными; "а инии ходят во образе пустынническом и во одеждах черных и в веригах, растрепав власы, а инии во время святого пения в церквах ползают, писк творяще, и велик соблазн полагают в простых челоуццх"*.

С своей стороны, и патриарх Иосиф заявляет, что в московских церквах допускаются разные бесчиния, доходящие до того, что "в церкви Божии приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывают копейца железные и бывает у них меж себя драка до крови и лая смрадная"**. И все это творилось в московских церквах, так сказать, на глазах самого патриарха и всех властей!..

Неизвестный в челобитной к патриарху Иосифу говорит: "Молим тя, святой Божий архиерею, призри на святую порученную ти Христом церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположения служителя тоя, како именем пастыри, а делом волцы, како наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители, иже малаго ради покоя своего и предатели суть душам челоуцеским, не настоящей и маловременной, но грядущей вечной муце. Мали бо, государь, обретаются последующе нелестно уставом святых отец, мнози же нерадиви и леностни к славословию Божию, приходят, изменяюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченным пьянством и бесовом желенным дмением и гордостью, чрез обычай вскочут безобразно во церковь и, начала входа церковнаго несправльше, начинают утреню и вечерню, и тщатся преспяети кождо друг друга во псалмех и пениях, да теми обычай и многих, суете работающих, приходити к себе приобрящут", забывая о том, что приходящие в церковь имеют нужду "слышати особь всякаго псалма, молитвы, пение и коемуждо словеси последуя, просити оставления грехом". "Аще ли, государь, многогласно и без тихости церковнаго святого славословия Божия служба будет, то токмо можем рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати, несть бо, государь, челоуца, иже возможет внимати от многих купно глаголемых, но точию един Бог всех словеса и мысли зрит и воздает комуждо, по прошению и делу". "Еще же, государь, великий святитель, - продолжает неизвестный челобитчик, - священницы церковнии приходящим в церковь Божию без страха Божия молчат, величества рода и славу мира имущих боятся и трепещут, неведуще, яко всяк страх челоуцескаго прещения в мале часе приходит, ярость же гнева Божия на грешницех не имать конца. Ко инем же безчинующим в церкви ласкосердие же к ним благопокорения своя ради погибающия чести безчестуемаго Бога и святую его церковь небрегут, и дети своя духовныя во все летнее время не вопрошают: како пребывают и бремена заповедей их со усердием ли носяще хранят, но вместо сих, противная видяще, молчат; пред ними же бо ходяще (дети духовны) не имут постояния ногами, безчинствуют, с похотением на жены зрят, скверная, глаголю, тщетная творят, изумленным образом наскочут и друг друга угрызают, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителем, друг другу приносят и своя

родителя отца и мать безчествуют, и, страшно рещи пред тобою, великим святейшим отцом, да не осквернится святой твой слух, всякаго чрез естество именем сквернаго блуда себе и друг друга и отшедших жизни сея отец и братию свою и церковнаго чина досяжут"***.

* Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 3, №264, с. 401-402.

** Там же, т. 4, №321, с. 481-482.

*** Эта очень важная челобитная неизвестного к патриарху Иосифу напечатана в Приложении.

Старец Григорий с своей челобитной государю 1651 года заявляет, что по всем городам в церкви Христовой происходит "великое небрежение и нестроение, а наипаче от пастырей, еже посмрадиша виноград Христов", ибо они вместо того, чтобы быть образцом "овцам стада Христова", только "волну одирают и гладных оставляют", вместо того, чтобы насыщать пасомых божественным учением, они служат для них только соблазном. Затем челобитчик приводит самые соблазнительные факты из жизни местного - вяземского - духовенства. По его словам, соборный протопоп в Вязме женат на своей двоюродной сестре, о чем и было донесено архиерею, "а он на деньги печаль возвергл" и дозволил протопопу священнодействовать. Ключарь того же собора взял в Москве у архиерея грамоту, чтобы "исправити и доглядети чину во церквах в вяземском уезде, и он изрядно исправлял: на одном попу исправил 50 рублей, на ином 30, на ином 10 и на иных по силе меншии вытрясал". А между тем исправлять действительно было что: один священник, исповедавший женщину, записал ее грехи и продал эту запись мужу за пять рублей; другой священник мало того, что сам блудник "знаем людям, но и прочая учит, глаголя: что за грех еже похоть исполнити?". И такие-то священнодействуют ради денежных посулов, которые они дают кому следует. В самом городе Вязме, продолжает челобитчик, есть один молодой священник, который "своеё попадии недоволен будучи, с другою живучи, детище прижил и ее замуж выдал, и яко до него приставили, он за тое детище корову да пять рублей денег дал, а протопопе дал два улии пчел да пять рублей денег - и ныне священнодействует".

Жалобы челобитчиков-ревнителей касаются не только жизни и деятельности белого духовенства, но и жизни иноческой, в которой они также усматривали очень многое, требующее исправления. Неизвестный челобитчик заявляет патриарху Иосифу: "Государь, великий святитель, хошу воспомянути пред тобою страшнаго вне мира, иноческаго жития устав, еже прияша любяше единство. Яко Илия на Кармиле и яко Предтеча в пустыни - и больше сих, яко Иисус на горе, тако и ныне иноцы мира и яже о в нем отрешися и усердно Христов крест носити и страсти вседневнога озлобления обещавшися терпети, но не вем, государь, откуда привниде обычай противесь таковому обещанию: любят серебро и золото и украшение келейное, имеют влагалища исполнена лишних одежд, тщатся

притяжати болшая стяжания и ТЕМ желают мирския любве достигнути; призывают к себе на гостьбу великоименитых властей и сами к ним в дома ходят, словесы блажат и, дела являющиеся благими, летят; дарования приносят и большая даяти обещаются, себе же просят иметь власть во обителех: игуменство, строительство, и келарство и прочия начальства. И приемше власть ценою гиблющаго имения, к подвластным зверообразни являются, сурови и мстиви томители и святых обителей грабители, своих далних и ближних взыскают и обогощают, и всяким образом обильно дома их исполняют монастырскою казною, и сами в домех и гостят и обнощевают, упивающесе и объедающеи бесом вожделенным пьянством с женами пирующе; и в монастырех различными пьянства и пития имуще, уставом святаго иноческаго жития изумленным пьянством ругаются, и одежды ангельскаго образа сквернят, и братию возмущают таяжде даяти... И откуда, государь, обычай таков властем: не навикше довольно время менших степеней, на большая восходят и како могут быти врачеве душам, не приемше искуса целбы, постригается множи нуждею привлачими, не имуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являются, в мере о иночестве произволения добра не имуще, а во иночестве откуда таковым абие устроение нрава постигнути?"

Что подобные челобитные могли исходить от известных нам ревнителей, это доказывается тем, что они вели постоянную неустанную борьбу с пороками, леностью и небрежностью духовенства, всюду резко и сурово обличая его. Неронов, живя в селе Никольском, "иереев веси тоя, развращенное житие имущия, непрестанно обличаше их пьянства ради и многого безчинства", "безчинующих пьянственно" иереев он "отторгаше от святаго алтаря и вон из церкви извождаше". Аввакум, рассказав о том, как жестоко его избил толпа в Юрьевце, замечает: "Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем". То же было и с другими ревнителями, чем отчасти и объясняется то явление, что все они, куда бы ни появлялись, повсюду создавали себе непримиримых врагов, хотя в то же время у них являлось и немало последователей и поклонников, которые видели в них людей строго и искренно благочестивых, всецело преданных исполнению своих пастырских обязанностей. Что ревнители действительно подавали и царю и патриарху челобитные, в которых они указывали на разные замеченные ими недостатки в жизни и деятельности современного духовенства, это подтверждает Неронов, когда говорит царю, что Аввакум, Даниил, Лазарь и Логгин "безпрестанно к вам, государем, на всякия безчинныя извещали". Извещения ревнителей царю и патриарху на всякие безчинные производили свое действие. В 1646 году патриарх Иосиф издает наказ всему духовному чину в Москве, которым требует, чтобы приходское духовенство своей собственной благочестивой жизнью, строгим исполнением разных церковных правил и предписаний, ревностным исполнением своих пастырских обязанностей служило образцом для своих прихожан. А которые протопопы и дьяконы, говорит в заключение наказ, "учнут пити и ходити безчинно", тех патриарх будет смирать "большим смирением, да им же быти в великом запрещении"*. В 1648 году патриарх Иосиф писал в монастырь Саввы Сторожевского, что "государю и ему, патриарху, ведомо учинилось, что в монастырех умножилось хмельного питья и от того хмельного пьянаго питья монастыри оскудели, и общежителство и

монастырской чин разрушается, и архимариты, игумены, и попы черные, и строители, и старцы о церковном пении и благочинии не радеют и древних святых богоносных отец предание и устав не хранят, в церквах Божиих поют поскорую, не единогласно, со всяким безстрашием, и братию на всяко благочестие не учат, и сами в церкви Божии мало ходят, и с братиею в трапезе не бывают, едят и пьют по кельям с болшими покои, забыв свое иноческое обещание". Ввиду этого, говорит патриаршая грамота, государь, "слышав таковое в своих царских богомолиях, в монастырех, сметение и нерадение, и леность, и преизлишнее пьянство, и нарушение всякаго благочестия и древних святых отец предание и чин монастырский небрегом", велел во все города по монастырям послать свои указы, чтобы в монастырях "хмельное всякое питье: вино, и мед, и пиво, и хмельные квасы отставили и впредь не держали, а мне, богомольцу своему, велел послать по всем монастырем грамоты таковы ж, чтоб отнюдь в монастырех хмельного всякаго питья не было, и жили б по преданию древних отец и по чину монастырскому и уставу, чтоб от такого невоздержания ево царския богомолья не оскудели и запустения б монастырей не было, и иноческий чин и вси православнии христиане, живущие во святых обителях, не погибали душевне, и благочестию нарушения не было"**. Против монастырских беспорядков, наконец, выступил и сам царь непосредственно в своей грамоте от 15 июня 1652 года в Кирилло-Белозерский монастырь. В этой грамоте государь заявляет, о чем ему хорошо стало известно, что в московских, в ближних и дальних, в степных и нестепных монастырях существуют следующие злоупотребления: все монахи, и начальствующие, и рядовые, держат для себя в монастырских погребах и кельях и монастырских вотчинах "хмельное питье - вино, пиво и мед", и от их пьянства церкви стоят без пения; иноки захватывают себе на трапезе хлеб, калачи, рыбу и выносят это за монастырь; монастырские власти во всех монастырях держат у себя детей, братьев, племянников, внучат, которым дают монастырский хлеб и всякий запас, а из монастырской казны деньги; монастырские власти посылают в монастырские вотчины на жалованье слуг и, когда те приедут с жалованья, берут с них, как сами власти, так и их дети, племянники, внучата посулы и поминки деньгами, вином, медом, куницами, а кто им не даст посулов, тех подвергают побоям и делают им разные притеснения; берут посулы и со всех монастырских крестьян, разоряя их; монастырские люди ездят на пиры в дома мирских людей, где бражничают, а за это ссужают таких лиц монастырским хлебом и казной; в монастыри приезжают богомольцы (знатные), и власти дают им в почесть деньги, серебряные сосуды и лошадей, чем разоряют монастыри; дают гостинцы и всяких чинов людям в Москве, куда привозят из монастыря посулов и поминок рублей на сто и больше; архимандриты и игумены, по призыву разных мирских людей, ездят к ним для служения молебнов и панихид, где для них устрояются обеды, "и вино и всякое хмельное питье им подносят", а равно также и все иноки всякий день "для дела и не для дела" отпускаются в город; в Москве и по городам иноки, священники и простые старцы "по торгом и по улицам ходят и на крестцах сидят и в том иноческом чину поругания чинят". Государь приказывает уничтожить все эти беспорядки в монастырской жизни***. Обличая господствующие в народе, в тогдашнем в белом и черном духовенстве пороки и недостатки, предпринимая те или другие меры к их искоренению, кружок ревнителей не

мог не коснуться и вопроса о наличных церковных порядках, которые во многом требовали неотложного исправления, реформы.

* Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 4, №321, с. 481-482.

** П. И. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М., 1850, с. 302-304; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 4, №325, с. 485-486. В источнике - это грамота 1649 г. патриарха Иосифа архиепископу вологодскому Маркелу.

*** Там же. № 328, с. 489-491.

Еще Стоглавый собор постановил: "Псалмов бы и псалтыри вдруг не говорили и канонов по два вместе не канонархали, но по единому, занеже то в нашем православии великое безчиние и грех, тако творити отцы отречено бысть". Но несмотря на такое постановление Стоглавого собора, "то в нашем православии безчиние и грех" продолжались по-прежнему, по-прежнему службы церковные совершались разом несколькими голосами: один пел, другой в это время читал, третий говорил ектении или возгласы, или читали сразу в несколько голосов и каждый свое особое, не обращая внимания на других и даже стараясь их перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослужения окончательно терялась - церковная общественная служба при таких порядках не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящих, но, напротив, приучала их относиться к богослужению совершенно механически, бессмысленно, чисто внешним образом, без всякого участия мысли и чувства. Многие из народа стали смотреть на посещение церкви как на одну формальность и не только во время богослужения держали себя крайне неблагоговейно, но и старались ходить в те именно церкви, где служба совершалась с особой скоростью, которая достигалась именно многогласием. С своей стороны, духовенство, желая заманить в свои храмы побольше народу, доводило скорость церковных служб до крайности, позволяя в храме читать сразу голосов в шесть и больше. Эти вопиющие беспорядки в церковном богослужении глубоко возмущали всех истинно благочестивых людей, и по их жалобам высшие церковные власти предпринимали против злоупотреблений некоторые меры. Патриарх Гермоген в своем послании "о исправлении церковнаго пения" пишет: "Поведают нам христоролюбивые люди со слезами, а инии писание приносят, а сказывают, что де в мирских людех паче во священниках и иноческом чине вселися великая слабость и небрежение, о душевном спасении нерадение и церковном пении великое неисправление. По преданию св. апостол и по уставу св. отец церковного пения не исправляют, и говорят де в голоса в два и в три и в четыре, а инде и в пять в шесть. И то нашего христианскаго закона чуже"*.

Патриарх Иоасаф в памяти тиуну Манойлову 1636 года заявляет, что в Москве во всех церквях "чинится мятеж и соблазн и нарушение нашея святыя и православныя христианския непорочныя веры", во всех церквях "зело поспору пение Божие, говорят

голосов в пять и шесть и болши, со всяким небрежением". Патриарх запрещает многогласие, однако сейчас же и делает уступку в пользу укоренившегося злоупотребления: "А в церкви бы велели говорить, - пишет он, - голоса в два, а по нужде в три голоса, опроче екзапсалмов, а екзапсалмы бы по всем церквам говорили в один голос, а псалтыри и канонов в те поры говорить отнюдь не велети". Но злоупотребления продолжали существовать по-прежнему. Неизвестный в челобитной к патриарху Иосифу говорит: "Вспомяну тебе, государь, и о бездушных гласех - благовесты и звоны по обычаю церковному и по достоянию коегождо дне по чину содеваются, первому другое последуя, звон с благовестом, несмешно; царскаго же, государь, пения обычай от многих небрегом и не по ряду совершается, якоже предаша нам святии отцы, еже бы первых божественны сладости вкусивше и других совершению святых службы всем всякаго глаголемаго и чтомаго и поемнаго словеси насыщати; но точию, государь, именем утренняго времени зовется утреня, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, ото многогласия в церквах Божиих пение образом неистоваго пьянства: к началному пению другой поемлет и третий, даже и до пяти и шести гласов купно бывает. И сице, государь, бываемое, кто наречет святого церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тем сводим на себегнев Божий, а не милость. Помысли, государь, великий святитель, аще восхощет гостим быти у тебе царь, и седши с ним вечеряти, восхощеш ли вся уготованная брашна, безобразно смесивше, купно представити, но коеждо по чину и ряду сладкое и сланое, терпкое ж и мастичное едино вкушаемо бывают, другое представляемо, и третие держимо, и другая паки уготовляема, друг другу последующе благочиние на трапезу поставляются. Малаго же, государь, и незапнаго ради и пред царем неистовства всем предстоящем ти заповеди прещения исполнены полагавши, да некако царь, вместо пировнаго веселия, исполнится ярости. Колми же, государь, хошет от нас достойно почитаем быти царь царем и Господь господем Бог наш, и каково чисту и со благочинием заповеда нам приносити хваления жертву в церквах своих пречистому и святому своему имени, яко научиши нас свыше, приемше действием Святаго Духа богоносни отцы". Биограф Неронова, с своей стороны, говорит: "В оная времена (т.е. когда в Москве под главенством протопопа Стефана образовался кружок ревнителей) от неразумящих божественнаго учения вниде в святую церковь смущение велие, яко чрез устав и церковный чин не единогласно певаху, но в гласы два, и три, и в шесть церковное свершаху пение, друг друга не разумяще, что глаголет; и от самех священников и причетников шум и козлогласование в святых церквах бываше странно зело; клирицы бо пяху на обоих странах псалтырь и инья стихи церковныя, не ожидающе конца лик от лика, но купно вси кричаху, псаломник же прочитоваше стихи не внимая поемым, начинаше инья, и невозможно бяше слушающему разумети поемаго и чтомаго". Но многогласием в чтении, одновременностью чтения и пения дело не ограничивалось, злоупотребления и беспорядки шли далее, простирались на самый характер церковного пения. Биограф Неронова говорит, что в то время в церквах "пяху речи не яко писани суть, но изменяюще речения, ради козлогласования своего, восприемше обычай древних безчинников, и вместо еже бы глаголати: Бог, Христос, Спас, они пяху: Бого, Христосо, Спасо и прочия речи изменяюще, яко ныне странно зело слышати". С особенной силой и настойчивостью восстает против неправильного искаженного церковного пения инок

Евфросин, который в 1651 году написал "Сказание о различных ересех и хулениях на Господа Бога и на пречистую Богородицу, содержимых от невѣдения в знаменных книгах". О состоянии в его время церковного пения Евфросин говорит следующее: "Дух Святой повелевает бо пѣти непросто, но разумно, сиречь не шумом, ниже украшением гласа, по знати би поемое самому поющему, и послушающим того пѣния разум речей мощно бы ведати, а не точию глас украшати, о силе же глагол небрещи... В пении бо нашем точию глас украшаем и знаменная крюки бережем, а священныя речи до конца развращены противу печатных и письменных древних и новых книг, и не точию развращены, но и словенского нашего языка, в нем же родихомся и священным писаниям учихомся, чюжи, несвойственны и сопротивны. Где бо обрящется во священном писании нашего природнаго диалекта сицевыя, несогласныя речи: сопасо, пожеру, вомонъ, темено, и мои, восени, волаемо, и земи, людьми, сонъдаяй и прочия таковыя странныя глаголы, их же множество невозможно ныне подробну исчерсти за невмещение краткаго писаньца сего". Учителя пения, заявляет Евфросин, берут с учеников за обучение пению "мзду велию и паче меры", но если видят ученика "остроумна естеством и вскоре познающа пѣние их и знамя", по зависти обыкновенно скрывают от таких учеников "древних мастеров добрыя переводы и учат пети по испорченным", чтобы ученик не превзошел учителя. Самые книги для церковного пения были очень испорчены. "Много убо, - говорит Евфросин, - и безчислена злая опись в знаменных книгах: редко такой стих обрящется, который бы был не испорчен в речах во всяком знаменном пении. В наших знаменных книгах многое обретается: инде речи неприличныя, последующему разуму приложены, а во иных местах нужнѣйшия глаголения разуму отъяты... Книги харатейныя были писанны, и по ним пето то также, яко глаголем: *на речь*, а не якоже ныне всякие глаголы буквами лишними переломаны". Зло усиливается еще тем обстоятельством, что ученики списывают книги для пения с испорченных тетрадок, причем они, "не зная добре ни силу речи, ни разум стиха, ни буквы ведая, в той переписке от ненаучения или от недосмотра описываются", вследствие чего все пение в церквах совершалось по крайне испорченным и извращенным книгам. Ввиду этого Евфросин в заключение своего сказания обращается ко всем с таким заявлением: "И вы, господие наши, отцы и братья, и мы, бедные, с вами, положим по разсуждению общий совет, по церковным законам любовнаго соединения, восплачемся пред Господом, сотворившим нас, и прибегнем и припадем к благочестивому семодержцу, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и к святейшему великому господину, в духовном чинѣ отцу и богомольцу его, Иосифу, патриарху московскому и всея Руси и помолим, еже бы исправить с печатных церковных книг и с харатейских книг: Ирмолой и Октай и Стихирари в существенном разуме речей и имен, приказати бы и повелети им, государем, добрым певцом и знаменьщиком противу грамматическаго художества и истиннаго разума в именах и глаголах и в прочих частех, по согласию точек и запятых, и разума верхних сил, знамя положити, к научению всему православному христианству, против древних переводов харатейных"**.

* И. П. Сахаров. Исследования о русском церковном песнопении. СПб., 1849.
** А. Ф. Бычков. Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1878, вып. 1, № XXIII, 10, с. 83; И. П. Сахаров. Исследования о русском церковном песнопении. СПб., 1849; Л. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. М., 1872, №91. с. 233-236.

Против этих вопиющих беспорядков в церковном богослужении особенно сильно и энергично восстал кружок ревнителей. Стефан и Ртищев "первое уставша в своих домъх единогласно и согласное пение", затем оно введено было Нероновым в Казанском соборе и уже потом, благодаря настояниям государя, побуждаемого ревнителями, и во всех церквах*. На соборе 1651 года постановлено было "пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по всем градом, единогласно, на вечернях и на павечерницах, и на полунощницах, и на заутренях, псалмы и псалтырь говорить в один голос, тихо и неспешно, со всяким вниманием, к царским дверем лицом"**. Благодаря этому соборному постановлению, "то в нашем православии великое безчиние и грех", многогласие в церковном чтении и пении уничтожилось навсегда; церковное богослужение с этого времени стало совершаться у нас относительно чинно, стройно, более или менее вразумительно и назидательно для предстоящих.

* Установление единогласного пения некоторые почему-то считают личным делом Никона. Это мнение несправедливо. Современные введению единогласия лица говорят, что это было делом Ртищева и Стефана Вонифатьевича, которые "первое уставша в своих домнх единогласное и согласное пение, также потщашася и благочестиваго царя молити, дабы утвердил благочинное в церквах правило, еже бо в един глас, а не во многия пети". Единогласие установлено было "ово учением протопопов Стефана и Иоанна (Неронова), овое повелением царевым, в чесом пособствова и богомудрый архимандрит Никон". С своей стороны, и Шушерин говорит, что царь ввел единогласие по совету и благословию своего духовника Стефана, и при этом замечает: "Емуже в том богоспасаемом деле велий поборник и помощник бысть преосвященный Никон митрополит". Ясно, что установление единогласия было делом Стефана Вонифатьевича. Никон же только содействовал распространению и утверждению этой другими лицами задуманной меры. Но это же делали и все другие члены кружка, почему Аввакум, например, и остался навсегда горячим приверженцем единогласия, чего бы никак не могло быть, если бы единогласие было введено именно Никоном.
** Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией, № 327, с. 488.

Утвердив единогласие в церквах, кружок ревнителей вслед затем обратил внимание и на необходимость исправления церковных нотных книг, в неисправности и испорченности

которых заключалась одна из главных причин беспорядочности церковного пения; воззвание инок Евфросина в пользу исправления нотных книг было услышано. Известный Александр Мезенец в своем сочинении "Извещение требующим учиться пению" сообщает, что после собора 1651 года, утвердившего и единогласие и обязательность наречного пения, по царскому повелению в Москве "собрано было к тому знаменному устройению его царскаго величества во градех и честных обителех и селех разных чинов от святых Божия церкви чиновачальников и всякаго церковнаго чина избранных людей 14 человек". Таким образом, для исправления нотных церковных книг собрана была целая комиссия из сведущих людей, которая должна была привести эти книги в должный порядок. Но со вступлением на патриарший престол Никона дело это остановилось. А так как неисправность и испорченность нотных книг была открыто признана и заявлена, то, по свидетельству Мезенца, разные мастера пения сами стали, каждый по-своему, исправлять на правую речь пение "и во единогласие не приидоша". Следствия такого положения дел понятны: "Во всех градех и селех учинилось велие разгласие, что и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети согласно стало невозможно". И только уже после Никона, при патриархе Иоасафе, снова возвратились к прежней мысли собрать в Москву сведущих людей, которыми нотные книги и приведены были в порядок*.

* И. П. Сахаров. Исследования о русском церковном песнопении, с. 28-29.

Наконец, кружок ревнителей обратил свое особое внимание на восстановление совсем было замолкшего на Руси церковного учительства. Дело в этом отношении дошло было уже до того, что и миряне, и сами пастыри стали смотреть на церковные поучения как на нечто непозволительное и даже вредное. Патриарх Иоасаф в своей памяти тиуну Манойлову в 1636 году говорит, что мирские люди не только церковные поучения священников презирают и не приемлют, но и самих священников за это поносят и укоряют. С другой стороны, и сами священники, торопясь поскорее справить службу, не только не читали положенные отеческие поучения, но и возбраняли тем, которые хотели читать их, так что предстоящие уходили из церкви без всякого поучения и сильно соблазнялись таким поведением своих пастырей. Неизвестный в своей челобитной патриарху Иосифу также сильно жалуется на прекращение церковного учительства, на полное нерадение в этом отношении пастырей церкви и просит патриарха принять меры против укоренившегося зла. Для поощрения церковного учительства при патриархе Иосифе действительно предпринимаются некоторые меры, состоящие в том, что при нем усиленно начинают печатать учительные отеческие сочинения, особенно уважаемые и любимые народом за их назидательный характер. Так, при Иосифе печатается (в 1641 году) Маргарит Златоуста и его житие (в 1642 г.), поучения Ефрема Сирина печатаются три раза (в 1643 г. и в 1652 г.) и два раза вместе с поучениями аввы Дорофея, печатается Сборник из 12 учительных слов (в 1642 г.), известное поучение самого патриарха Иосифа и

пр. Благодаря изданию учительных сочинений, получалась возможность читать их в более исправном виде, нежели как они читались в старинных неисправных и испорченных рукописях, - получалась возможность иметь их чуть не при каждой церкви. Члены кружка ревнителей, как мы знаем, отличались учительностью, готовностью всегда и всюду читать народу отеческие учительные произведения и толковать их. Неронов никогда не расставался с книгой Маргарит, всюду носил ее с собой и не только в церкви и дома, но на улицах и площадях всегда готов был читать ее народу для его научения. Так поступали и другие ревнители, причем их проповедь всюду возбуждала в народе всеобщее внимание, делала их популярными, приобретала им множество друзей и последователей, - у них являлись в этом отношении подражатели и среди духовенства. Биограф Неронова говорит, что в Нижнем Новгороде "священницы мнози, ревнующе иерею Иоанну, начата износить из сокровищ сердца своего сладость учения Божественнаго Писания". Поучения Логгина создали ему популярность и приверженцев, как это видно из челобитной жителей Мурома к архиепископу рязанскому Мисаилу с просьбой возвратить им учительного пастыря. Сами высшие иерархи стали к концу патриаршества Иосифа требовать от подведомственного им духовенства церковного учительства. Так, ростовский митрополит Иона в окружном послании к пастве при своем вступлении на митрополию пишет, обращаясь к духовенству: "Учили б естя люди Божия, кто неприлучится у церкви Божий, на всяк день, с прилежанием. А как прилучится вам прочесть от Божественнаго Писания поучение, тогда б един почитал, а другой за ним толковал, или кто может чести, да и толкует сам, чтоб простым людям было что пряти от вас"*.

* Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией СПб 1842, т. 4, №62, с. 174.

Таким образом, деятельность кружка ревнителей благочестия была направлена на искоренение в народе пороков, суеверий, неприличных языческого характера игрищ, на водворение в обществе духа христианского благочестия и религиозности вообще, на исправление разных церковных беспорядков, на поднятие совсем было замолкшей у нас церковной проповеди. Нетрудно видеть, что указанная нами деятельность кружка ревнителей благочестия, насколько мы ее можем знать по немногим дошедшим до нас от этого времени сведениям, была деятельностью в известном отношении преобразовательной, так что представители кружка ревнителей в глазах многих невежественных лиц были не что иное, как беспокойные и опасные новаторы и даже чуть не еретики, стремящиеся изменить отеческие, веками освященные и всеми доселе признаваемые порядки и обычаи. Везде, где только появлялись, с своим неустанным учительством, с своими обличениями, с своим строгим, истовым исполнением всех церковных служб и пастырских обязанностей, - везде они встречали, вместе с сочувствием к себе и ко всей их полезной деятельности, и решительное нерасположение и даже прямую вражду со стороны лиц, ими обличаемых, и особенно со стороны ленивого,

порочного и невежественного духовенства. Даже среди известной части столичного московского духовенства, необходимо более образованного и развитого, чем духовенство провинциальных городов, а тем более духовенство сельское, деятельность ревнителей благочестия встречала сильные порицания и противодействие, навлекала на них обвинение в еретичестве. В 1651 году гавриловский поп Иван извещал государя: "Говорил де ему Никольский поп Прокофей, где с ним не сойдется: *заводите де вы ханжи ересь новую единогласное пение и людей в церкви учите*, а мы де людей преж сего в церкви не учивали, а учивали их в тайне. И говаривал де он поп Прокофей: беса де и вы имате в себе все ханжи... и протопоп де благовещенский (Стефан Вонифатьев) такой же ханжа, сказал де он: Господа Саваофа видел (?), и он де беса видел, а не Бога. А Бога де кто может видети ВО плоти?" И другие московские священники сильно возмущены были введением единогласия и требованием от них учительства - они шумели и не хотели подписываться под требованием об обязательном введении единогласия во всех церквах. Тот же поп Иван заявлял, что 11 февраля в сенях московской тиунской избы был сильный крик: "Лукинский поп Сава с товарищи говорил такие речи: мне де к выбору, который выбор о единогласии, руки не прикладывать, наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии бояром и окольниковым, любо де им будет единогласие"* . И когда поп Иван стал говорить противящимся единогласию, что они не могут презирать изволение Божие, устав св.отец, повеление государя и патриарха, то получил такой ответ от шумевших иереев: "Нам де хотя и умереть, а к выбору о единогласии рук не прикладывать". В то же время какой-то поп Андрей говорил: "Чтоб ему с казанским протопопом (т.е. Нероновым) в единогласном пении дали жребий, *и будет его вера права*, и они де все учнут петь (единогласно) и говорить (поучения)** .

* Это на первый взгляд странное требование московского приходского духовенства, чтобы прежде обязательного введения в церквах единогласия спросили наперед у бояр и окольниковых: любо ли им будет единогласие? - по нашему мнению, объясняется тем обстоятельством, что многие прихожане охотнее шли в те церкви, в которых служба совершалась очень скоро, ради чего у нас собственно и возникло многогласие, дававшее возможность сокращать срок службы до последней возможности, хотя в то же время все требования церковного устава формально выполнялись. Такие церковные порядки внешне благочестивым людям нравились как нельзя более. Введение же единогласия, истовое исполнение церковных служб, введение церковных поучений необходимо должно было значительно удлинить все церковные службы, что сильно могло не понравиться многим прихожанам, привыкшим к прежним коротким службам. Ввиду этого опасения - введением единогласия возбудить неудовольствие своих сильных и влиятельных прихожан - московское приходское духовенство и требует, чтобы наперед спросили бояр и окольниковых - любо ли им будет единогласие.

** Зап. рус. археол. общ. II, 394-396. В приведенных заявлениях московского духовенства нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что главными новаторами, виновниками введения единогласия и поучений признаются Стефан и Неронов, а не

Никон, о котором даже вовсе и не упоминается, что было бы невозможно, если бы он действительно в то время был, как некоторые думают, главным виновником введения у нас единогласия и церковных поучений.

С самого начала деятельность ревнителей (Стефана, Ртищева и Никона), как видно, вовсе не расходилась с деятельностью патриарха Иосифа, являлась как бы ее отпрыском, ее восполнением. Это было, казалось, то же направление, только имевшее в виду специально практическую сторону жизни, область наличных общественных нравов, обычаев, наличных церковных порядков и пр., так что деятельность ревнителей служила как бы только восполнением преобразовательной деятельности патриарха Иосифа. В воззрениях первых деятелей кружка ревнителей Стефана, Ртищева и потом Никона не могло быть ничего особенно враждебного тем новым веяниям, которые проявились при Иосифе, так как глава кружка, Стефан, несомненно сам содействовал появлению и укреплению в Москве этих веяний, он был близким другом Ртищева, в беседах с ним проводил иногда ночи, с ним советовался при выборе лиц для поставления на протопопские места в разных городах. С своей стороны, и Ртищев, устроая около Москвы Андреевский монастырь и вызывая в него ученых южнорусских монахов, действовал в этом случае, конечно, с согласия и одобрения Стефана. Точно так же и царь, не посоветовавшись предварительно с своим уважаемым духовником, не решился бы на такую небывалую меру, как вызов в Москву ученых киевлян для книжных исправлений, без одобрения своего духовника не решился бы он и на учреждение в Москве школы, в которой бы образованные киевляне и греки учили москвичей разным наукам. Несомненно, что все это делалось и Ртищевым, и царем с ведома и согласия Стефана, который, следовательно, лично вовсе не был противником науки, образования и книжных исправлений. То же самое доказывается, между прочим, и тем, что Книга о вере, написанная киевлянином Нафанаилом, игуменом киевского Михайловского монастыря, была в 1648 году напечатана в Москве, по свидетельству дьякона Федора, "тщательством благаго духовника царя, Стефана Вонифатьевича". Правда, когда в Москве появились киевляне и их ученики, то они, по наблюдению москвичей, свысока стали трактовать учительных и благочестивых московских протопопов: "Всех они (киевляне с своими учениками) укоряют, и ни во что ставят благочестивых протопопов Ивана (Неронова) и Стефана (Вонифатьева) и иных: враки де они вракуют; слушать у них нечего, и себе имени не ведают; учат де - просто ничего не знают, чему учат"*.

Действительно, с прибытием в Москву ученых киевлян необходимо должно было произойти сравнение, сличение старой московской учености с новой киевской, причем представители и приверженцы киевской учености естественно старались уронить в общественном мнении старую московскую ученость и ее представителей учительных протопопов Стефана и Неронова. Но это обстоятельство, кажется, очень мало затрагивало Стефана, который сам содействовал вызову в Москву ученых киевлян и не имел вообще особых притязаний на ученость и учительность, так что в интересах оживления в Москве публичной проповеди пожелал иметь при себе другое лицо, более его ученое и красноречивое. Биограф Неронова прямо

говорит, что "Стефан протопоп, аще и зело велию ревность имеяще о благочестии, обаче в Божественном Писании не до конца худог бяше: того ради желаше избрати себе в помощь мужа, в словесех речиста и в святых книгах искуснейша". Ввиду этого умный и непритязательный Стефан легко мирился с киевской ученостью и с киевскими учеными, как он впоследствии легко мирился с преобразовательной деятельностью Никона и даже усиливался помирить с нею своих пылких и неразумно ревностных друзей**. Что же касается Ртищева, то он, как известно, был главным деятелем в вызове в Москву ученых киевлян и самым горячим поборником развития у нас образования. Точно так же и Никон, перебравшись в Москву, скоро подчинился здесь новым веяниям, сблизился с его представителями и, наконец, вполне проникся мыслью о необходимости церковных исправлений в духе Иосифа. Таким образом, все три главные известные нам ревнителя вовсе не были принципиальными противниками Иосифа и им намеченных исправлений, а между тем, несмотря на это, между патриархом Иосифом и Стефаном Вонифатьевым с течением времени произошел окончательный разрыв, так что Стефан Вонифатьевич даже публично позволял себе называть Иосифа патриарха "не пастырем, а волком", поносил он и всех других властей "бранными словами" и их, как и патриарха, называл также "волками и губителями". К сожалению, документ, который сообщает нам о столкновении Стефана с патриархом и властями, не говорит, за что именно Стефан называл патриарха и властей "волками и губителями"***. Но, кажется, мы не ошибемся, если объясним это столкновение таким образом: Стефан "зело велию ревность имеяще о благочестии", требовал от патриарха Иосифа и других властей неотложных и энергичных преобразований прежде всего и главным образом в сфере наличных церковных порядков, которые во многом уже давно соблазняли истинно благочестивых людей, вызывая с их стороны горькие жалобы и сетования, требовал от властей внимательного, неустанного наблюдения за жизнью и деятельностью подведомственного им духовенства, чтобы оно ревностно и истово исполняло свои пастырские обязанности, требовал их особых усиленных забот о религиозно-нравственном воспитании всего вообще народа, зараженного многими пороками и суевериями, настаивал, чтобы на этой именно деятельности сосредоточены были прежде всего заботы и усилия церковных властей, которые сами должны были, по его мнению, являть собой образец истинного архипастырского служения, подавать собой пример подчиненным им пастырям в надлежащем выполнении ими своих пастырских обязанностей. Но, кажется, ни патриарх Иосиф, ни власти не проявляли особенной охоты и ревности исполнять требования Стефана - или потому, что вообще им не сочувствовали, или потому, что не хотели подчиниться водительству царского духовника, иерархически им подчиненного, тем более, что в его требованиях находили косвенное порицание своей предшествующей архипастырской деятельности. Тогда Стефан, пользуясь своим влиянием на государя, стал проводить свои планы помимо патриарха и властей, с помощью царских указов и при содействии выдвинутых им ревнителей - Неронова, Аввакума и других, вследствие чего он необходимо стал в натянутые отношения к патриарху и всем властям, - его деятельность стала обособляться от деятельности Иосифа. Не встретив желанной поддержки своим планам у патриарха и властей, Стефан взамен того нашел себе горячее сочувствие в Неронове, Аввакуме, Данииле и др., которые вполне разделяли его взгляды

и готовы были всячески постоять за них. Естественно, что Стефан тесно сблизился с этими вполне сочувствующими ему лицами, которые и сделались скоро его близкими друзьями****. Новые друзья Стефана, особенно пылкий, энергичный и учительный Неронов, уже по самой живости своей натуры не могший оставаться на втором плане, не только привнесли с собой круг воззрений, во многом отличных от воззрений Стефана и Никона, но и старались придать им преобладающее, руководящее значение, хотели, чтобы ими определялась вся деятельность кружка ревнителей, вследствие чего необходимо должна была с течением времени вскрыться рознь в воззрениях самих ревнителей и повести к отделению московских ревнителей от ревнителей пришлых, провинциальных. Дело в том, что в лице пришлых в Москву провинциальных ревнителей, каковы Неронов, Аввакум, Лазарь и др., выступала на сцену старая Русь, совершенно чуждая новейшим московским культурным движениям, Русь исключительно провинциальная, выросшая и воспитывавшаяся на Псалтыри, на житиях святых, на старых толстых московских сборниках и их содержанием, совершенно не знавшая и даже не хотевшая знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кроме завещанного ей старыми московскими книжниками, которым только она и верила и пред которыми преклонялась. Это была Русь, еще прочно державшаяся всех дедовских верований, обычаев и традиций, крепко веровавшая в их незыблемость и спасительность и потому крайне стойкая в своих верованиях, убеждениях и идеалах, крайне неподатливая на всякую новину, враждебная всему, что стремится освободиться от уз векового, хотя бы уже и отжившего обычая, от привычного, веками освященного строя понятий, хотя бы уже заявивших свою дальнейшую непригодность. Но если эта старая Русь, совершенно еще не тронутая новейшими московскими веяниями, и не обладала научным образованием и развитием, воспиталась с помощью простого одностороннего начетчества, если круг самого ее христианского понимания был крайне узок, а иногда и прямо неправилен, если она затруднялась иногда подметить в Псалтыри простую типографскую ошибку, а о Святой Троице не затруднялась богословствовать неправо, - зато она готова была на мученичество за свои верования и убеждения. Как мало в ней было правильного теоретического развития, способности к отвлеченному и критическому мышлению, так наоборот в ее представителях очень много было характера, энергии, стойкости, способности всем жертвовать, все претерпеть за свои излюбленные убеждения. Этими своими качествами они способны были производить на всех, и особенно на простую массу, в высшей степени сильное впечатление, способны были самым своим несостоятельным верованиям и убеждениям придать характер истинности и святости: на смерть идут за свое учение - одного этого уже достаточно для массы, чтобы видеть в их учении, не разбирая и не оценивая его по существу, святую непререкаемую истину, - за неправо дело, в которое сами не верят, люди не кладут добровольно головы своей на плаху, не дают вырезывать у себя языки, не идут спокойно на костер.

* "Дело по доносу чернеца Саула на бояр Ивана Васильевича Засецкого, на Луку Тимофеева, сына Голосова, да Благовещенского собора на дьячка Константина Иванова,

что они к нему в келью приходили и про еретичество говорили. 158 года, апреля в 3 день, извещал околничему Ивану Ондреевичу Милославскому чернец Саул: есть де за ним государево дело, чтоб про тот его извет сказал государю, и околничей Иван Ондреевич сказывал про то государю. И марта в 5 день сказал чернец Саул пред государем: нынешней де зимы, а о кою пору, того не упомнить, приходили к нему в келью Иван Васильев, сын Засецкой, да Лучка Тимофеев, сын Голосов, да Благоввщенского собора дьячек Костка Иванов, и меж себя шептали: учится де у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той де грамоте и еретичество есть, а боярин де Борис Иванович держит отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знает и держится. А Степан Алябьев спрашивал, а в распросе сказал: как де был на Москве старец Арсений греченин, который сослан на Соловки, поп Степан хотел было у него поучиться по латыни, и как тот старец сослан на Соловки, и он де и учиться перестал и азбуку изодрал, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосов, да Ивашко Засвцкой: перестань де учиться по латыни, дурно де; а какое дурно, того не сказали; а разговоров де он с ними - Лучкою и Ивашком - никаких не говаривал, а Лучка де говаривал: латинской де язык незнаком и многия в нем ереси. - Дьячек Костка Иванов в распросе сказал: нынешнего году на маслянице, а в который день, того не упомнит, провожали де протопопа (Стефана Вонифатьева) Лучка Голосов, да Ивашко Засецкой, да он Костка от Благовещения к нему на двор и, проводя его, пришли к воротной келье к старцу Саулу и сели на лавке и говорили де ему Костке Лучка и Ивашко: извести де протопопу, что де он. Лучка, у киевских чернецов учиться не хочет, старцы де не добрые, он де в них добра не познал, и добраго ученья у них нет: ныне де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь де учиться никак не хочю. Да тот же де Лучка говорил: кто де по латыни научится, и тот де с праваго пути совратится; да и о том бы он Костентин вспомянул протопопу: поехал де учиться Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту де проезжую Федор промыслил доучиваться у старцев у киевлян по латыни, и как де выучатся и будут назад, и от них де будут великия хлопоты, и чтоб де их до Киева не допустить и воротить назад; и так де они всех укоряют и ни во что ставят благочестивых протопопов: Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иных: враки де они вракуют, слушать у них нечего, и себе имени не ведают, учат де, про то ничего не знают, чему учат. Да он же Костка слышал во 157 году по лету от попа Фомы, а живут де они во рву под Троицею, и прихаживал к тому попу Фоме для правила, и Фома де поп говорил: скажи де пожалуй как де быть, дети де его духовные от него просятя в Киев учиться по латыни. И он де Костя молвил ему: не отпускай де Бога ради. Бог де на твоей душе того възыщет. И Фома де молвил: аз бы де рад их не отпустил, да они без пристани со слезами просятя, и его мало слушают и ни во что ставят. Да теж Лучка и Ивашка говорили: говорят де киевляне: нам бы де до Светлаго воскресенья дожить, а то де чаем, что с Москвы не поедем. А про боярина де про Бориса Ивановича Морозова слышал он у них, говорили между собою тихонько: Борис де Иванович держит отца духовнаго для прилики людской, а киевлян де начал жаловать, а то де знатно дело, что туда уклонился к таковым же ересям. Да Костка ж допрашивал, что он с ними шептал, и он сказал: не упомнить, и чтоб де поставить Саула с очей на очи. И Саул на очной ставке говорил: он де Костя с ними говорил и на ухо шептал, да и то де говорили, чтоб Бог их всех снес. И Костка молвил: в том де виноват, что запамятовал те де слова, что

Бог их всех снес вместе, говорили, а говорил де он с ними и шептал, что он ГБ их речи известил протопопу, и я ему известил...". Конца дела, к сожалению, нет).

** Совсем иначе, чем Стефан, должен был отнестись к обличениям киевлян и их учеников Неронов. Он именно и был тот муж "в словесех речистый и в святых книгах искуснейший", которого Стефан избрал для публичной церковной проповеди в Москве, так как он еще в Нижнем Новгороде составил себе громкую репутацию выдающегося и очень сведущего проповедника. Эту репутацию талантливого "и в святых книгах искуснейшаго" проповедника Неронов с честью поддерживал и в Москве. Слушать его проповеди в Казанском соборе приходили иногда сам царь, царица и бояре, причем в собор всегда собиралась масса народу послушать сладкого учения Иоаннова. Вместе с Стефаном Неронов даже являлся во дворец и здесь "простирашу учения духовная: и приемляше благословение от них царь и царица и словес их душеполезных послушаху в сладость". И вдруг киевляне и их московские ученики дерзко заявляют, что Неронов "враки вракует, что слушать у него нечего, что хотя он и учит, однако сам хорошо не знает, чему учит". Это было кровным оскорблением для Иоанна, который, конечно, не мог же сознаться, что и он, подобно Стефану, тоже "не до конца худог" в Божественном Писании и что он действительно хорошо не знает того, чему учит. Понятное дело, что для Неронова гораздо легче было заподозрить и отвергнуть всю современную киевскую и греческую ученость, нежели признаться в своей собственной научной несостоятельности.

*** Этот документ - челобитная патриарха Иосифа к царю, очень важная - приводится нами ниже и печатается в Приложении.

**** Дьякон Федор говорит, что Никон всех, "кои не приложили рук своих ко умышлению его вражю и возбраняли ему много, еже бы не раздирал церкве Христовы, - казанский протопоп Иоанн Неронов, костромской протопоп Даниил, муромский протопоп Логин, друзи быша царева духовника благого Стефана, благовещенскаго протопопа, и инии мнози отцы, - и сих ВСЕХ Никон мучил..."

Вот такие-то люди, сгруппировавшись около Стефана как своего центра, постепенно перебираются в Москву, становятся здесь, благодаря Стефану, известными самому царю и царской семье, приобретают в высших кругах московского общества известность и влияние и начинают заявлять притязание на руководящую роль в церковных делах, хотят проводить и в Москве свои отжившие воззрения, вовсе не думая поступаться ими даже пред Стефаном, с которым они уже вступают в прения и состязания. Неронов в 1654 году писал к Стефану: "Не то ли мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопе Стефане Венифантьевич, что я тебе, живучи на Москве, стужал и много тебе жестоко и противно говорил?"*. Принципиальная рознь между Стефаном и его провинциальными друзьями необходимо должна была обнаружиться в Москве при их ближайшем взаимном знакомстве, когда они ближе всмотрелись в воззрения друг друга. Но до тех пор, пока новые московские веяния не сформировались окончательно и не нашли себе определенного выражения в церковной реформе Никона, провинциальные ревнители еще держались Стефана и Никона, хотя и тогда уже, как мы видели, позволяли себе

жестоко и противно говорить Стефану. Как же скоро Никон вступил на патриарший престол и энергично стал продолжать дело церковного исправления, начатого его предшественником, а Стефан решительно стал в этом деле на сторону Никона, ревнители провинциалы отстранились от Стефана, перестали слушать его советов и пошли своим собственным путем. Все попытки Стефана сдержать пыл и заносчивость своих друзей, образумить их на счет происходящего в Москве, примирить их с новыми московскими веяниями, вызванными новыми настоятельными запросами жизни, оказываются совершенно напрасными. Они уже не слушают более своего патрона, укоряют его в слабости и податливости и, не разрывая личных связей с ним, образуют свой собственный кружок из единомышленных с ними лиц и, действуя уже исключительно на свой собственный страх и вопреки всем настойчивым советам Стефана, они выступают яркими противниками церковных исправлений Никона и производят в русской церкви раскол.

* И с Никоном у Неронова, еще до патриаршества первого, уже были нелады. На это намекает сам Неронов, когда в письме своем к царю из Спасо-каменного монастыря от 27 февраля 1654 г. говорит: "по приказу отца священнопротопопа Стефана Нифантьевича всяко покорение и любовь показывал аз к Никону патриарху, еще же он был в архимандритех и в митрополитых и лживых слов ему, господину, не говорил, но все поистинне истину, моля его, да не слушает клеветников".

В чем же теперь заключаются особенности в воззрениях этих провинциальных ревнителей, которые заставили их сначала отделиться от Стефана, а потом выступить яркими противниками церковной реформы Никона и, наконец, противниками целой вселенской церкви?

Кружок провинциальных ревнителей благочестия признавал недостатки современной церковной жизни и долг пастырей энергично бороться с ними, но в то же время, во взгляде на русскую церковь вообще и на отношение ее к другим православным церквям, он стоял на почве тех исторически сложившихся воззрений, которые были высказаны нашими книжниками еще в конце XV и в начале XVI века и по которым русской церкви отводилось первое место в ряду других православных церквей, которыми Русь признавалась единственной хранительницей и опорой чистого, ни в чем не поврежденного православия, уже несколько замутившегося у самих греков. Москва - это третий Рим, заступивший место нового Рима - Константинополя, в деле православия русские заняли место прежних греков, так как только у одних русских сохранилась теперь правая ни в чем неизменная вера, только на одной Руси, сравнительно со всеми другими странами, "большее есть православие и высшее христианство", только одна русская держава цветет теперь "совершенным благочестием, как свет солнечный", тогда как у самих греков "вера православная испроказися Махметовою прелестию от безбожных турок", вследствие чего она стала у них ниже и несовершеннее во всем совершенной

веры русской. На почве этих именно воззрений, высказанных еще в начале XVI века по преимуществу старцем Елеазарова монастыря Филофеем, и стояли провинциальные ревнители*. Правда, ревнители допускали, что в русской церковной жизни есть свои недостатки и погрешности, но эти недостатки и погрешности заключаются не в самых церковных обрядах и чинах, а только в неправильном или небрежном выполнении их пастырями церкви, которые действительно и нуждаются в научении или исправлении. Сама же русская церковь, по мнению ревнителей, до самых последних обрядовых мелочей всегда оставалась и остается верной во всем истинному православию, никогда ни в чем не изменяла ему, ни в чем, даже в самом незначительном обряде, ничего не потеряла из него, так как на Руси всегда твердо и неизменно держались той мысли, что "не точно в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней, что ни у какого слова, ни у какой речи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно", "что православным нужно умирать за единую букву аз". Если же русская церковь в некоторых своих церковных чинах и обрядах и порознилась с современной греческой церковью, то это потому, что позднейшие греки не остались во всем верны православию, но кое-что потеряли из него, допустив у себя разные новшества, вследствие чего у современных греков самое православие сделалось "пестро", а благочестия у них "и следу нет". Ввиду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнению ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной проверке русским и только то, что найдет себе оправдание в русской церковной жизни и практике, может быть от греков принимаемо и русской церковью; все же, что у греков несогласно с русским, должно быть безусловно отвергнуто как чуждое православию, как привзошедшее в греческую церковную жизнь в позднейшее время под влиянием иноверия и, главным образом, латинства, ибо единственно верный критерий для определения того, что истинно православно и что нет, теперь находится не у греков, а только у русских. Поэтому вносить в русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное с русским, исправлять русские церковные чины и обряды по образцу современных греческих значило, по мнению ревнителей, заведомо развращать чистое, ничем и никогда не оскверненное русское православие, значило вносить в него латинские ереси.

* Старец Елеазарова монастыря Филофей в послании к великому князю говорит: "Иже от вышняя и всемошняя, всясодержащая десница Божия. имже царие царствуют и имже велнции величаются и силнии пишут правду. - тебе пресветлейшему и высокостолнейшему государю великому князю, православному христианскому царю и владыце всех, браздодержателю святых Божиих престол святыя вселенския и апостолския Церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успения, *иже вместо римския и константинопольских просиявшу*. Стараго убо Рима Церкви падеся неверием аполлинариевы ереси; втораго же Рима Константинова града Церкви агаряне внуцы секирами и оскордми разсекоша двери. Сия же ныне *третьяго нового Рима* державнаго твоего царствия святая соборная апостольская Церкви, иже в концых вселенныя в православной христианстей вере, во всей поднебесной паче солнца светится. И да вестъ

твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православный христианския веры снисдошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь... Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды великий Константин и блаженный Владимир и великий богоизбранный Ярослав и прочий блаженнии святии, ихже корень и до тебе... Блуди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снисдошася в твое едино, *яко два Рима падоша. а третий стоит, а четвертому не быти*: уже твое христианское царство инем не останется, по великому Богослову" (То же самое Филофей заявляет и в послании к дьяку Мисюрю). На почве этих Филофеевских воззрений о призвании Москвы и ее значении в ряду других христианских царств и стояли ревнители благочестия, которые, выступив потом противниками церковной реформы Никона, повторяют в своих сочинениях слова старца Филофея. Аввакум говорит: "Мерзость запустения, неприподобно священство и прелесть антихристова на святом месте поставится, сиречь на олтари неправославная служба, еже видим ныне сбывшееся. *Иного же отступления уже нигде не будет: везде бо бысть; последняя Русь zde*". Никита говорит: "...Ведомо тебе, великому государю, яко ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, вторый же Рим, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем: твое же государство, российский великое царство, *третий Рим*, и отвсюду все христианское благочестие в него едино собрася, и от тебе благочестиваго царя превеликий Государь господствующих и царь царствующих Христос Бог наш свой талант с прикупом возьмет". Лазарь, обращаясь к государю, говорит: "Греческое царство мимо уже иде; едино твое стоит; иному роду не останется". Дьякон Федор говорит: "Вся царства, государь, в конец стекошася, сиречь в твое богохранимое господарство; *зде истинная православная христианская вера*". В другом месте он же говорит: "Мерзость запустения - несправедное священство и прелесть антихристова на святом месте поставится, сиречь на алтари неправославная служба, еже и видим ныне сбывшееся. *Иного уже отступления нигде не будет: везде бо бысть; последнее Русь zde*". Соловецкие челобитчики заявляют: "...един на всей вселенной владыка и блюститель непорочный веры христианския, самодержавный великий государь царь благочестием ВСЕХ превзыдет, и все благочестие в твое государство едино царство собрася, и третий Рим благочестия ради твое государство московское царство именоваша". Инок Сергей пишет: "...ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, вторый Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, великое ж российский царство, третий Рим, благочестием всех превзыде и все благочестие в него воедино собрася, и един российский под небесем христианский царь именуется во всей вселенной". Инок Авраамий пишет: "Наша убо святая вселенская апостольская церковь небесоподобная, вместо римской и константинопольской, богоспасаемаго царствующаго града московской державы, всесветлой России, иже по всей вселенной, паче солнца светится и благочестивою верою сияет. Яко вся христианская царства преидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя: по пророческим бо книгам то есть ромейское царство, два убо Рима падоша, а третий стоит, и четвертому не быть... Пишет же и святой Филофей, Елизарьева монастыря, яко греческое царство разорися, и не созиждется. Сия вся случисася грех ради наших, понеже они предаша греческую Веру в

латинство, и отпадения гордостью буйства своего, еретическим учением последовавшие, веру святую низложиша".

Точно так же ревнители благочестия признавали, что в русских церковных книгах находятся некоторые ошибки и погрешности, внесенные в них невежественными и небрежными переписчиками, и что с этой стороны русские книги действительно нуждаются в исправлении. Но они решительно не допускали той мысли, чтобы русские церковные книги были очень испорчены и притом настолько, что заключали в себе чуть не ереси, чтобы их следовало исправлять или вновь переводить по греческим печатным книгам. Если ревнители и признавали греческие книги, то только древние рукописные, а не новые печатные, которые печатались в иноверных землях и в которые, как это признавали и сами греки, латиняне и лютеране вносили свои ереси*. Ввиду этого русским никак не следует принимать греческих книг и во всяком случае для определения достоинства и пригодности греческих книг их необходимо проверять имеющимися у русских славянскими переводами, и все, несогласное с ними в греческих книгах, решительно отбрасывать как неправославное, внесенное в них еретиками. Греческие книги потому именно и порознились с русскими, что они подверглись у греков искажению со стороны еретиков, вследствие чего исправлять русские книги по греческим в тех случаях, где они с ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русские книги, вносить в них те именно ереси, которые уже успели внести еретики в книги греческие.

* В этом отношении особенно важно заявление палеопатрасского митрополита Феофана, который, будучи в 1645 году в Москве, писал в челобитной государю: "Буди ведомо, православный царю, что велие есть нынѣ безсилие во всем роде православных христиан и борения от еретиков, потому что имеют папежи и лютори греческую печать, и печатают повсядневно богословныя книги святых отец, и в тех книгах вмещают лютое зелие - поганую свою ересь... И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяют нам печатать книги в Царе-граде, понеже и немцы, которые пребывают в Царе-граде, мешают от зависти своей и осиливают они своею мздою... Сердцеведец есть Господь свидетель, что велие веселие и радость восприяла душа моя, что Бог сподобил меня и видел такова православнаго царя и благочестие велие и вспомянул смуты, что имеют христиане от еретиков и смущаются многие в умах, прочитаючи тех составленных книг и надеются, что такое есть составление святых отец, и падают в прелесть их и погибают". Ввиду этого Феофан просит царя: "Да повелиши быть греческой печати (в Москве) и приехать греческому учителю учить русских людей философия и богословия, греческому языку и по русскому, тогда будут переводить многие книги греческие на русский язык, которые не переведены, и будет великое надобе на обе стороны и великая доброта, да и гречане освободятся от лукавства еретиков... сдесе исполнятся древние книги, будут их печатать и переводить на русский язык прямо, подлинно и благочестиво..." (Эта любопытная челобитная палеопатрасского

митрополита Феофана напечатана нами в полном виде в статье: Следственное дело об Арсении греке и ссылка его в Соловецкий монастырь// Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1881, кн. VII, июль, с. 74-77.

Наконец, ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились к ученым выходцам грекам и киевлянам и никак не желали допускать их до какого-либо участия в наших церковных делах. Неронов в одной своей челобитной государю взывает: "И паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных истине неразвратников, коих истине и благочестию ругателей, и ересем вводителю, в совет прияти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житие их". Ревнители хорошо знали, что между учеными греками и киевлянами немало находилось и таких, которые, получив образование в западных, по преимуществу в латинских, школах, заразились там латинскими мнениями и становились открытыми или тайными приверженцами латинства; поэтому они постоянно опасались, как бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки, "истине и благочестию ругатели и ересей вводители". Простое благоразумие, казалось им, требует от правительства, чтобы оно зорко следило за всяким оставшимся в Москве ученым греком и киевлянином и ни под каким видом не допускало бы его до участия в русских церковных делах, по крайней мере, до тех пор, пока об них не получится полной уверенности, что они и по убеждениям, и по жизни действительно люди строго православные. Такое осторожное отношение к ученым выходцам, грекам и киевлянам, тем более необходимо, что самая жизнь большинства выходцев казалась русским во всех отношениях очень подозрительной, так как она не укладывалась в те рамки благочестивой жизни, какие веками выработаны были для нее на Руси*. "Зрим бо в них (в выходцах), государь, - пишет царю Неронов, - ни единому от добродетелей: христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость и вместо поста многоядение и пьянство любят, вместо же, еже Христа, истаяти тело, мягкость и буйство любят, крестнаго же знаменна на лица истинны вообразити не хотят, и сложению перст блядословне противятся, яко врази истинне и ругатели, на колене же поклонитися Господеву от покоя ради не хотят, и лжу сшивающу самосмышлением, разум божественнаго писания лукавню скрывающу, своеволне блядут на прелесть безумным человеком"**.

* О выходцах на Русь с востока, об их жизни в Москве, о впечатлении, какое они производили на русских, см. нашу книгу: Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885, с. 103-220.

** Материалы по истории раскола за первое время его существования. М., 1875, т. 1. е. 67.

Таким образом, провинциальные ревнители, вопреки своим московским друзьям Стефану, Никону и Ртищеву, смотрели на русские церковные книги, чины и обряды как на

заветную и неприкосновенную святыню, которую всячески следует беречь и хранить в ее неизменном виде, так как всякая перемена в них была бы пременением самой веры, искажением чистого, ничем не затемненного доселе русского православия и вела к гибели православия в целом мире (ибо четвертому Риму не быть), к несомненному уничтожению самого московского царства. Поэтому ревнители были принципиальными противниками всяких перемен и существенных исправлений в наших церковных книгах, чинах и обрядах, были решительными противниками и ученых греков и киевлян, так как в сближении с ними, в готовности правительства следовать их советам и указаниям в делах церковных видели угрозу, серьезную опасность чистоте русского православия. Если же ревнители и стремились произвести некоторые улучшения в религиозно-нравственной жизни общества, уничтожить некоторые церковные беспорядки и злоупотребления с целью возвести русскую церковную и религиозно-нравственную жизнь на ту высоту, которая бы соответствовала представлению о русской церкви как о единой теперь хранительнице чистого, ни в чем не поврежденного православия, о русском государстве как о едином теперь православном царстве в целом мире, то они хотели достигнуть этой цели исключительно только русскими силами, не сходя с русской почвы, опираясь исключительно на русскую и освященную веками заветную старину, не изменяя тем принципам и традициям, которым доселе следовала русская жизнь. Они вовсе не допускали мысли, чтобы русская жизнь нуждалась в обновлении, в коренном переустройстве, в оживлении и проникновении ее новыми началами, в введении в нее новых культурных элементов вследствие полной несостоятельности и дальнейшей непригодности старых.

Так случилось, что в то самое время, когда при патриархе Иосифе в высших и передовых кругах правительственной Москвы уже совершился тот великий перелом в духовной жизни, вследствие которого прежние основы и устои русской жизни стали признаваться некоторыми несостоятельными и непригодными более, когда с особой силой проявилось у нас стремление с помощью тесного сближения с образованными киевлянами и греками внести в нашу духовную жизнь новые культурные элементы, построить ее на новых началах, отчасти прямо враждебных традициям и воззрениям старой Руси, в это самое время старая Русь, со всем строем старых понятий, с старыми идеалами и целями в лице Неронова, Аввакума и др. является в Москву, занимает здесь видное положение, становится, благодаря счастливым обстоятельствам, крупной влиятельной силой и заявляет притязания руководить и направлять всю нашу общественную и особенно церковную жизнь. При таких обстоятельствах вполне естественно было, что старое и новое направление в русской жизни враждебно столкнулись в Москве и между ними произошла ожесточенная борьба за право дальнейшего существования.

Кружок ревнителей (до его разделения по вступлении Никона на патриарший престол) находился в довольно благоприятных условиях для выполнения своих планов относительно русской церкви и общества. Во главе его стоял сильный и влиятельный царский духовник, пользовавшийся полным расположением молодого благочестивого царя и всей царской семьи, имевший обширные и сильные связи с придворной

аристократией. Члены кружка, руководимые Стефаном Вонифатьевым, выделялись из массы заурядного духовенства выдающимися личными качествами, книжностью, учительностью, ревностью и энергией в служении своему делу. Благодаря сочувствию и поддержке царя и лиц, его окружающих, кружок мало-помалу делается крупной, видной силой, начинает оказывать заметное влияние и давление на ход всех церковных дел. Среди его обсуждались и решались разные церковные вопросы, изыскивались меры к исправлению церковной и общественной жизни, и выработанные им решения, благодаря царю, приводились в исполнение, становились обязательными, законом для всех. Даже такие дела, как назначения митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и протопопов предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, от которого, собственно, зависели назначения, действовал в этом случае по совету и указаниям своего духовника, а тот, с своей стороны, отдавал эти вопросы на обсуждение в среде кружка*. Вследствие этого руководство всей церковной жизнью стало переходить в руки кружка ревнителей благочестия, которые фактически делались управителями всей русской церкви. Понятно, что патриарх и все власти, которым по праву принадлежала инициатива во всех церковных делах, от которых, собственно, должны были исходить все церковные мероприятия и постановления, оказались стоящими в стороне - инициатива в церковных делах стала ускользать из рук властей и переходить к ревнителям, которые делают все смелее, энергичнее и требовательнее. Властям приходилось теперь одобрять и вводить в церковную практику то, что вырабатывалось в среде кружка, что придумывали влиятельные у царя и при дворе ревнители, гордые своим влиянием и силой. Понятно, как неприятно должны были чувствовать себя власти, у которых власть осязательно начинала ускользать из рук и относительно которых ревнители, состоявшие по преимуществу из белого духовенства, часто не скупились на резкие обличения**. Но особенно сильно должен был чувствовать это и сознавать сам патриарх, под боком и на глазах которого родилась и выросла эта враждебная ему сила, грозившая, чего не мог не видеть Иосиф, уничтожить все то доброе и лучшее, что было сделано и что еще делалось во время его патриаршества в видах возвысить умственно-религиозную жизнь русских, опираясь на южнорусскую литературу, на образованных киевлян и греков, на перенесение с помощью последних науки и образования в Москву, благодаря учреждению здесь правильно устроенной школы. Все более старевший и терявший значение патриарх не был в состоянии ни повлиять на кружок, ни подчинить его себе, ни остановить его деятельность, а в то же время не хотел и подчиняться водительству враждебных ему ревнителей, о которых он был очень невысокого мнения: "Возстали, - говорил он, - лицемеры, имущие образ благочестия, силы же его отвергшиися". По обычаю людей слабых и бесхарактерных, Иосиф для противодействия кружку ревнителей прибегнул к последнему и в то же время редко удающемуся средству: он старался, насколько это было ему возможно, тормозить и задерживать все, что исходило из кружка, хотя бы это было вполне законное и полезное. Так, например, он поступил в деле введения кружком единогласного пения и чтения в церквах.

* Неронов говорит, обличая впоследствии Никона: "А которые боголюбцы посланы государем блаженныя памяти ко Иосифу патриарху, чтоб ему поставити, по его государеву совету, овых в митрополиты, и во архиепископы, и епископы, иных во архимариты, и игумены, и протопопы, а ты (Никон) з государевым духовником протопопом Стефаном тогда был в советех, и не прикословил нигде, а на поставлении их не говорил: неаксиос, сиречь недостоин".

** Биограф Неронова говорит про него: "С велиим бо дерзновением обличаше всех, елицех видяше небогоугодная делающих, а наипаче властей духовных, в своем звании не пребывающих". Патриарх Иоасаф говорил впоследствии Григорию: "Григорие! престани прю имети с архиереи. Григорий же, отвещав, рече: владыко святыи! аще и смерть пряти, готов есмь правды ради, - не постыжуся глаголати пред цари и владыки". Лазарь пишет государю: "А нынешныя пастыри пригодныя ли люди? И лутчий их - поп был. А по правилом святых отец в мире быв поп, ктому не бысть попом, не токмо архиереом. А и ноне есть власть, в попы ево турченин ставил: и тот турский поставленник может ли быти и поп? И таковых власти меж собою не видят: како, како таковии пастыри могут добри быти? Чрез правила святых отец чин на себя восхищают! не дверьми входят во святую церковь, но диною влазят, яко татие". Дьякон Федор говорит: "А они (русские современные ему архиереи) вси мирсти попы бывше, кроме малых; и каковы сами преступницы отеческих преданий и законов, таковых же и в причет поставляюще, не искусных писанию простяков, воров же и пияниц, и гнусное житие от юности проходящих многих и пр.". И в другом месте он же пишет: "Злыя архиереи поставляются славы ради, и чести и богатства мира сего, и гордостью надуваются, и святительскою властью величаются, и преобразуются во Апостолы христовы. И то не дивно есть, братие! И сам сатана преобразуется в ангела света, емуже они последуют своими делесы злыми" Материалы по истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1881, т. 6, с. 68, 260-261.

Вопрос о единогласии уже давно был решен голосом всей русской церкви на Стоглавом соборе в смысле решительного осуждения многогласия. Кружок ревнителей, вообще относившийся к постановлениям Стоглавого собора с особенным уважением и почтением, решился ввести в церквах, которыми заведывали ревнители (сначала у Стефана и Ртищева, а потом и у Неронова в Казанском соборе), единогласное пение и чтение, причем, кажется, вовсе не позаботились испросить на это особого разрешения у патриарха. В этом Иосиф увидал посягательство со стороны ревнителей на свои патриаршие права, и решительно выступил в вопросе о единогласии против ревнителей, по выражению Шушерина, "за обыкновенность тому доброму делу прикословие творяще". Прекословие Иосифа тому доброму делу вытекало, конечно, не из противодействия самому делу*, а из нежелания его подчиниться водительству кружка, поступиться в его пользу своими правами - Иосиф видел в ревнителях людей самовольных, не считающих нужным испрашивать разрешения у патриарха даже по чисто церковным вопросам. Не желая подчиниться настояниям кружка, Иосиф решился

передать вопрос о единогласии (вместе с тремя другими) на усмотрение константинопольского патриарха, чтобы ввести потом единогласие не в силу требований кружка, а ради решения этого вопроса в положительном смысле константинопольским патриархом. Это очевидное нежелание Иосифа исполнять даже вполне законные и справедливые требования кружка, это его стремление, в видах противодействия кружку притязательных и властных ревнителей, выдвинуть в домашних, так сказать, делах русской церкви авторитет константинопольского патриарха и его голос поставить выше голоса целого собора русских иерархов должно было сильно раздражить кружок, многие члены которого никак не хотели допускать греков до участия в русских церковных делах, а тем более руководиться их советами и указаниями. Ввиду этого враждебные столкновения между кружком и патриархом становились почти неизбежны, тем более, что ревнители не стеснялись высказывать по адресу патриарха резкие обличения и укоры за его нерадение о церкви и пастве. Это торжественно подтверждает сам патриарх Иосиф, который в своем соборном уложении 1651 г. о единогласии говорит: "Аз слышах, яко мнози на мя износят укоры, раняще нас, их же ответ готов имущи на судищи Христове, устремихся умолчати, еже и сотворих. Третье бо се лето есть биему от свадник терпя клеветныя раны, доволен сый, яко имам послуха Господа, тайнам советника; елма же видят мнози молчание наше на известие клеветников веруя ж, а не за долготерпение мнеша наше молчание, по занеже не имехом силы разверзти уста ко истине"**. Раз вражда между патриархом и ревнителями дошла даже до открытого соблазнительного столкновения между главою кружка Стефаном Вонифатьевичем, самим патриархом Иосифом и властями, которые держали сторону патриарха. Это видно из челобитной патриарха Иосифа от 11 февраля 1649 года к государю, в которой он от своего лица и от лица всего священного собора жалуется на Стефана в том, что тот говорил государю, "будто в Московском государстве нет церкви Божий, а меня богомольца твоего называл волком, а не пастырем, також называл нас, богомольцев твоих митрополитов, архиепископов, и епископов, и весь освященный собор бранными словами и волками и губителями, и тем нас, богомольцев твоих, меня патриарха и нас богомольцев твоих - освященный собор, бранил и безчестил". Затем патриарх заявляет: "А в уложенной книге писано: кто изречет на соборную и апостольскую церковь какие хульные словеса, да смертию умрет, а он, Стефан, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принес, и на все Божии церкви, и нас богомольцев твоих, обезчестил". Ввиду этого патриарх просит царя созвать собор для суда над Стефаном***. Но эта челобитная патриарха на Стефана Вонифатьевича не имела никаких последствий, ему по-прежнему приходилось выслушивать резкие и обидные для него и всех властей обличения и укоризны ревнителей, приходилось проводить в церковную жизнь такие постановления, которые вырабатывались в среде враждебного и ненавистного ему кружка. Наконец, патриарх Иосиф, кажется, потерял всякое значение и влияние в делах церковных, он сам считал свое положение очень шатким и постоянно опасался, что царь низведет его с патриаршества и поставит на его место другого избранника, угодника и креатуру кружка ревнителей. По словам самого царя, Иосиф в последнее время постоянно говорил своим приближенным: "Переменить меня, скинуть меня хотят, а буде и не отставят, я и сам за собором об отставке стану бить челом". Так дело шло до самой смерти Иосифа.

* Это видно из того, что еще в 1648 году патриарх Иосиф писал в Саввин монастырь обличительную грамоту, в которой между прочим говорит: "Архимандриты и игумены и попы черные и строители и старцы о церковном пении и благочинии не радеют и древних богоносных отец предание и устав не хранят, в церквах Божиих поют по скору *не единогласно со всяким безстрашием*" П. И. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, с. 302; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 4, № 325, с. 485-486. Н. А. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884, т. 2. с. 471.

*** Эта очень важная и любопытная челобитная патриарха Иосифа и всего освященного собора на благовещенского протопопа Стефана Вонифатьева. писанная на двух неподклеенных столбцах, найдена нами между неразобранными бумагами главного Московского архива Министерства иностранных дел и печатается в Приложении.

Обзор важнейших событий времени патриаршества Иосифа приводит нас к следующим положениям.

Те важные учительные и общеобразовательные книги, которые издаются у нас в первый раз при патриархе Иосифе, каковы Кириллова книга, Книга о вере, Малый Катихизис, славянская грамматика (Смотрицкого), были, как мы видели, южнорусского происхождения, представляют из себя, за самыми ничтожными исключениями, только простую перепечатку сочинений южнорусских авторов. Этот факт служит ярким и веским доказательством того, что в передовом московском обществе, стоявшем около патриарха Иосифа, явилось сознание несостоятельности и дальнейшей непригодности старой московской учености, сознание необходимости от старых московских сборников и их содержимого перейти к усиленным заимствованиям из ученой киевской литературы, так как старая московская книжность уже не могла более удовлетворять народившимся новым потребностям и запросам жизни. То же самое сознание недостаточности старого московского обучения по псалтыри, непригодности старой московской учености, приобретающейся только с помощью одностороннего начетчества, проявилось при Иосифе в деятельном стремлении завести в Москве настоящую школу, в которой бы под руководством образованных киевлян и греков русские могли получать правильное научное образование. Об устройстве в Москве школы хлопочет и светское правительство, и патриарх Иосиф, и частное лицо Ртищев. Ясно отсюда, что перелом в нашей духовной жизни, вызвавший критическое отношение к прошлому, сознание его несостоятельности и необходимости реформы начался еще при Иосифе, так что Никону приходилось идти тем именно путем, который уже был намечен при его предшественнике.

Патриарх Иосиф в своих посланиях к датскому принцу Вольдемару заявлял, что истинное православие находится только у греков и русских и у их единоверцев, что русская церковь по делам веры всегда сносится с четырьмя восточными патриархами. В напечатанных при

Иосифе книгах торжественно заявлялось и доказывалось, что греки вполне и во всем православны, что турецкое иго нисколько не повредило древнего греческого благочестия, так что греки и доселе держат ненарушимо не только правую веру, но и древние церковные чины и обряды. Но этого мало. Для решения некоторых возникших у нас церковных вопросов патриарх Иосиф прямо обратился к авторитету константинопольского патриарха, самым делом показывая, что голос константинопольской церкви в случае возникновения у нас разных вопросов и недоумений должен иметь для русской церкви руководящее и прямо решающее значение. Нетрудно видеть, что и с этой стороны патриарх Иосиф был прямым предшественником Никона, который, опираясь в своей реформаторской деятельности, главным образом, на авторитет греческой церкви, только продолжал идти по тому пути, на который уже решительно вступил его предшественник, патриарх Иосиф.

Книжные справщики времени патриарха Иосифа с особенной силой и настойчивостью заявляли, что древние славянские переводы церковных книг очень неисправны, благодаря неискусству древних переводчиков, невежеству и небрежности позднейших переписчиков, так что на основании только славянских переводов никак нельзя напечатать вполне исправных церковных книг. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо, по мнению иосифовских справщиков, обратиться к греческому тексту и поручить книжную справу людям научно образованным, вполне основательно знающим языки греческий и славянский. При Иосифе действительно вызваны были в Москву ученые киевляне для исправления книг с греческого языка; между прочим, для той же цели оставлен был в Москве и ученый грек Арсений и, что особенно важно, уже при Иосифе в Москве начали исправлять некоторые церковные книги с греческих. Ясно отсюда, что и в деле книжных исправлений патриарх Иосиф был прямым предшественником Никона, который, и с этой стороны, был только продолжателем того, основание чему было положено и что уже фактически было начато при его предшественнике.

При патриархе Иосифе, во вторую половину патриаршества, образовался в Москве кружок ревнителей благочестия, который указывал и обличал существующие церковные беспорядки, господствующие пороки и недостатки в жизни народа и духовенства. Этот кружок ревнителей по своим взглядам и убеждениям оказался в конце решительно враждебным тому новому направлению в жизни, которое проявилось при Иосифе, вследствие чего уже при Иосифе началось столкновение старой и новой Руси, так что последующая борьба Никона патриарха с ревнителями из-за церковных исправлений является только продолжением предшествующей борьбы Иосифа с теми же ревнителями.

Сопоставляя теперь все сказанное нами о времени патриаршества Иосифа, необходимо прийти к тому заключению, что обычные ходячие у некоторых наших историков и полемистов с расколом представления о патриаршестве Иосифа как о времени господства у нас крайнего невежества, как о времени усиленной порчи церковных книг, времени полной церковной распущенности, прочного водворения разных церковных беспорядков, когда всей церковной жизнью и книжными исправлениями заведывала клика невежественных протопопов, вкравшихся в доверие очень слабого и престарелого

патриарха, - оказываются не совсем верными. Такое ошибочное представление б времени патриаршества Иосифа сложилось, нам кажется, главным образом, благодаря усиленному желанию особенно некоторых наших полемистов с расколом выставить время Иосифа и время Никона как две противоположности, причем на долю одного выпадали исключительно мрачные краски, для яркости картины нарочно усиленные, на долю другого - исключительно светлые краски, которые никак не допускали в картине присутствия каких-либо теней, а тем более пятен. В действительности же оказывается, что патриарх Иосиф вовсе не был противоположностью Никона, а его прямым предшественником не только по времени, но и по всей своей деятельности, так что между временем Иосифа и Никона является тесная органическая связь; Никон в своей деятельности только продолжал то, начало чему было положено при его предшественнике.

Но если ошибаются наши православные полемисты, когда они считают патриарха Иосифа чуть не приверженцем старообрядства, то еще более ошибочно думают наши старообрядцы, когда они ссылаются на время Иосифа как на золотое свое время, когда они заявляют свои сетования только на Никона, который будто бы лично выдумал всю церковную реформу и произвел ее на свой страх. Справедливость требует от старообрядцев перенести свои сетования с Никона на личность и время Иосифа, когда уже намечена и начата была та реформа, только энергичным продолжателем которой в сфере книжных исправлений явился потом Никон. Это будет тем более справедливо, что будущие главари раскола уже ссорились и боролись с патриархом Иосифом точно так же, как они продолжали потом ссориться и бороться с Никоном. Справедливость требует признать и то, что если Никон патриарх, смеясь, говорил о ревнителях: "Знаюсу я пустосвятов тех", то ведь и Иосиф патриарх об них же говорил: "Возстали лицемеры, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися".